

ОЧЕРКИ О Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте:
<https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»:
<https://shchedrovitskiy.com/>

Вводный очерк.....	4
Очерк философии.....	6
История написания.....	9
О территории России	11
Непонимание Европой России.....	14
Культурно-исторические типы	16
Законы развития	19
Гниет ли Запад	22
Романо-германский тип.....	25
Славянский тип.....	28
Ранний период российской истории	31
Крепостное право	31
Деятельность Петра I	37
Европейничанье.....	39
Ислам	42
Вопрос об интеграции России с Европой.....	45
Россия и свобода	48
Рецепция. Ч.1.	50
Рецепция. Ч.2.	53
Рецепция. Ч.3.	56
Рецепция. Ч.4.	59
Полемика с Соловьевым. Ч.1.	62
Полемика с Соловьевым. Ч.2.	65
Полемика с Соловьевым. Ч.3.	68
Полемика с Соловьевым. Ч.4.	71
Полемика с Соловьевым. Ч.5.	74
Дарвинизм. Ч.1.	76
Дарвинизм. Ч.2.	78
Некролог. Ч.1.	80
Некролог. Ч.2.	82

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Силы России заключаются не в одной ее армии, а в духе всего народа, который всегда был готов скорее видеть свои дома и имущества в объятиях пламени, нежели в руках неприятеля, и с этим-то народом пришлось бы иметь дело всякому врагу, вторгнувшемуся в пределы России»

Н. Я. Данилевский

Николай Яковлевич Данилевский родился 10 декабря 1822 г. в село Оберец Орловской губернии. После учебы в частном пансионе в Москве принят в Царскосельский лицей, по окончании которого с 1843 по 1847 годы был вольнослушателем на естественном факультете Петербургского университета. В университете Н.Я. Данилевский познакомился с Н.Н. Страховым, ставшим его другом, почитателем и защитником его учения, издателем его книги «Россия и Европа». Вот как описывает Н.Н. Страхов их первую встречу и знакомство: «Между студентами вдруг пронесся говор: «Данилевский, Данилевский!», и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайшие к нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божиим и о системе Фурье».

Увлечение учением Фурье сблизило Данилевского с М.В. Петрашевским. После того, как Данилевский в 1849 году защитил магистерскую диссертацию на кафедре ботаники, он отправился на научную практику в Тульскую губернию, где был внезапно арестован и отправлен в Петербург. Его привлекли к ответственности за принадлежность к революционной группе Петрашевского. Следствие доказало, что Данилевский трактовал учение Фурье не как революционное, а как экономическое. Просидев сто дней в тюрьме, он был выслан сначала в Вологду, а потом в Самару, где трудился в канцелярии губернатора. С 1853 года русским правительством Данилевский неоднократно направлялся в экспедиции для изучения состояния рыбных запасов и рыболовства в низовьях Волги, на Каспийском море, а впоследствии на Белом море и севере России. Всего было совершено девять экспедиций, в результате которых проведено исследование всех вод европейской России. За свою деятельность он был награжден золотой медалью Русского географического общества, вошел в состав Совета Министерства государственных имуществ, где принимал активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств в стране.

В 1864 году Данилевский вместе с семьей переехал на Южный берег Крыма, купив в Мшатке, недалеко от станции Байдары, имение с огромным садом и развалинами сожженного французами в Крымскую войну барского дома. Вероятнее всего, именно в Крыму Н.Я. Данилевский работал над книгой «Россия и Европа», первые главы которой были опубликованы в журнале «Заря» в 1869 году. Полностью книга «Россия и Европа» впервые была издана в 1871 году, а в 1895 году вышло уже ее пятое издание.

В последние годы жизни Н.Я. Данилевский работал над двухтомным трудом «Дарвинизм», представляющим собой критику учения Чарльза Дарвина. Опровергая и отвергая учение Дарвина о естественном отборе, теорию об эволюции организмов, Данилевский находит объяснение их происхождения в деятельности высшего разума. Труд так и остался незавершенным. 7 ноября по старому стилю, во время очередной командировки в Тифлис Н.Я. Данилевский скоропостижно скончался от болезни сердца,

которой он страдал все последние годы жизни. Тело его перевезли в Мшатку, где он и был похоронен.

Основные труды:

«О движении народонаселения в России» (СПб, 1851).

«Климат Вологодской губернии» (СПб, 1853).

«Россия и Европа» (1869).

«Дарвинизм, т. 1-2» (СПб, 1885—1889)

«Сборник политических и экономических статей» (СПб, 1890).

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2088994017854151>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ

«Красота есть единственная духовная сторона материи — следовательно красота есть единственная связь этих двух начал мира»

Н. Я. Данилевский (подпись под фото)

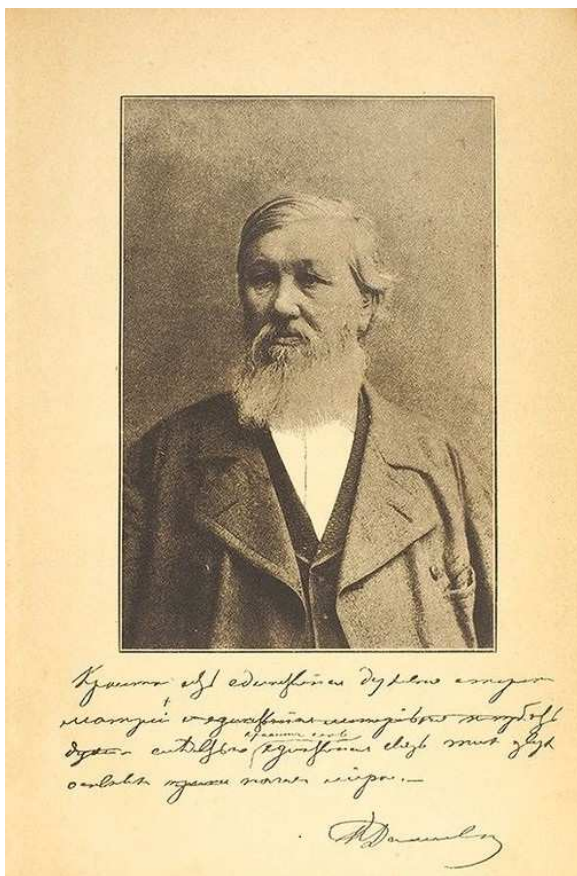
Представляет интерес краткий обзор творчества Н.Я. Данилевского, представленный в работе Н.О. Лосского «История русской философии». Лосский пишет:

«Н. Я. Данилевский (1822–1885) родился в семье генерала. В 1842 г. он окончил Царскосельский лицей. Проявляя большой интерес к естественным наукам, Данилевский был вольнослушателем на естественном факультете Петербургского университета в 1843–1847 гг. и выдержал экзамен на степень магистра ботаники. Увлеченный идеями Фурье, Данилевский примкнул к революционной группе Петрашевского и за принадлежность к этой группе просидел сто дней в Петропавловской крепости. Следствием доказано, что Данилевский трактовал учение Фурье не как революционное, а как чисто экономическое. Получив свободу, Данилевский, однако, был выслан из Петербурга, Его заставили работать в качестве чиновника сначала в канцелярии вологодского губернатора, а затем при губернаторе Самары. Начиная с 1853 г. русское правительство неоднократно направляло Данилевского в командировки для изучения состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море, а также в районе Белого моря и на севере России. В 1869 г. в обзоре «Заря» появляются первые главы его работы «Россия и Европа», вышедшей впоследствии отдельной книгой. В 1895 г. Н. Н. Страхов, поклонник Данилевского, опубликовал пятое издание этой книги с предисловием, посвященным жизни и деятельности последнего.

Данилевского считают эпигоном славянофильства, которое в то время уже вступило в период упадка. Он был одним из наиболее типичных представителей панславизма. В книге «Россия и Европа» Данилевский подробно развивает теорию «культурно-исторических типов» человечества (до него эта теория развивалась немецким историком Рюкертом, а после Данилевского стала темой работ Шпенглера). По мнению Данилевского, общечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Существуют лишь различные культурно-исторические типы цивилизации, такие, как египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, еврейский, греческий, римский. В современной истории Данилевский более всего уделяет внимания германо-романским и славянским типам, последний из которых только еще начинает оформляться. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Временами возможны лишь отдельные случаи выживания чуждых цивилизаций, и то в ограниченной форме (это касается второстепенных черт цивилизации).

Период роста культурно-исторического типа неопределен. В то же время период его цветения и плодоношения краток. Последний период исчерпывает раз и навсегда жизненные силы культурно-исторического типа (гл. V). «Человечество», по мнению Данилевского, представляет абстрактное понятие, не живое единое целое. «Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу, как родовое понятие к видовому. Человечество — это абстрактное и тощее понятие, а народ — конкретная и существующая действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое. Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию.

В наши дни, по мнению Данилевского, пришло время для развития славянской расы в самобытный культурно-исторический тип.

Оригинальная черта этого типа состоит в следующем. Многие культурно-исторические типы имеют только одну основу (так, еврейская культура — религиозную основу, греческая — художественную, тогда как Рим развил высокую политическую культуру). Германороманский тип имеет двойную основу и отличается политической культурой, носящей научный и индустриальный характер. Славянский же тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом: 1) религиозным, 2) научным, творческим в искусстве, технологическим, индустриальным, 3) политическим, 4) экономическим и общинным (гл. XVII).

Данилевский утверждает, что в процессе дальнейшего развития европейской истории Австро-Венгрия распадется. На ее месте возникнет всеславянская федерация, которая будет включать в себя и другие расовые образования: Грецию, Румынию и Венгрию (гл. XIII).

Восточная проблема будет разрешена в результате борьбы между романо-германским и славянским миром. Столицей всеславянского союза станет Константинополь.

На первых страницах своей книги особое внимание Данилевский уделяет враждебному отношению Западной Европы к России. Он опровергает мнение о том, что Россия является ненасытным завоевателем, и показывает, что она никогда не совершила ни национального убийства, ни национального увечья (гл. I и II).

Достоевский с большим интересом начал чтение этой работы Данилевского, печатавшейся еще на страницах «Зари». Однако его постигло горькое разочарование, когда он обнаружил, что Данилевский отрицает факт существования единства человечества и общечеловеческих идеалов. Как мы увидим в дальнейшем, Соловьев резко критиковал Данилевского за отрицание принципа христианского универсализма.

Последние дни своей жизни Данилевский посвятил работе над трудом, в котором он опровергал дарвинизм. Этот труд остался незавершенным (в 1885 г. вышел в свет первый том в двух частях, и посмертно в 1889 г. была напечатана одна глава второго тома). Данилевский представил эту работу в Академию наук на конкурс, однако ему не присудили премию. В Академии считали, что его книга является собранием уже известных в Европе антидарвинистских теорий. По мнению академиков, Данилевский только развил эти теории и проиллюстрировал их новыми примерами. Данилевский понимал эволюцию как следствие «органической, преследующей цель тенденции»,

которая руководствуется «разумной причиной». Понятие и термин — «преследующая цель тенденция» (Zielstrebigkeit) — были введены в философию и биологию знаменитым зоологом Карлом фон Бэр. С этим ученым Данилевский находился в дружеских отношениях».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2090546951032191>

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ

«Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления... Следовательно, жертвы, требуемые для охранения народности, суть самые существенно-необходимые, самые священные»

Н. Я. Данилевский

Главная работа Н.Я. Данилевского - «Россия и Европа» - писалась в период с 1865 по 1868 г. и была опубликована в журнале «Заря». Обстоятельства написания работы и контекст ее возникновения рассматриваются в работе Б.П. Балугева «Споры о судьбах России». Автор пишет:

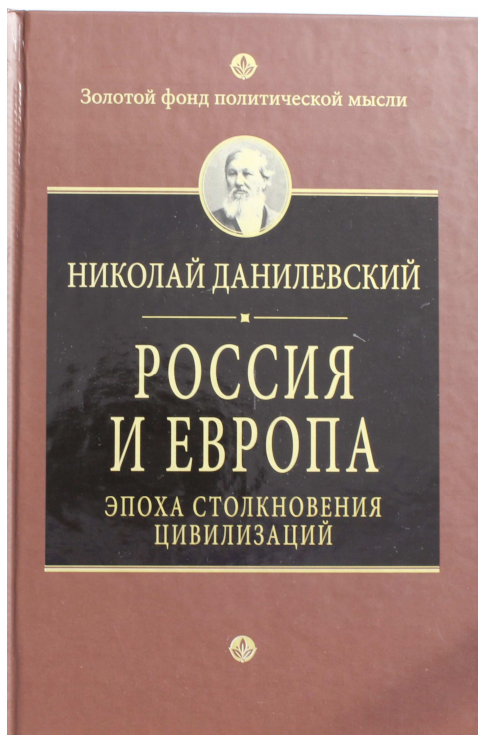
«Данилевский писал книгу Россия и Европа в период с 1865 по 1868 год. Удивительно то, что эта эпохальная работа объемом более 30 печатных листов писалась урывками, в основном в зимнее время, так как с 1863 по 1867 год Данилевский был занят в летние месяцы работой в экспедиции — исследованием рыболовства в Азовском и Чёрном морях - и обобщением этой работы в отчетах и статьях. Может быть, более плотно этой книге был отдан лишь 1867 год, когда он поселился в своем имении Миатка. Но в 1868 году с августа он снова был основательно занят командировкой в Архангельскую губернию для изучения причин обеднения местных жителей, а также отчетами и публикациями по этой проблеме. Напомним, что кроме научных печатных работ, связанных с экспедициями, он опубликовал в 1867 году большую статью в 100 с лишним страниц несколько мыслей по поводу упадка кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности.

Наиболее значительными событиями внутренней российской жизни в эти годы, которые не могли не влиять на умонастроение Данилевского, были: осуществление реформ 60-х годов, в частности судебной реформы 1864 года, введение более прогрессивных, чем ранее существовавших Временных правил о цензуре и печати 1865 года; покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 года и закрытие в том же году журналов Современник и Русское слово; начало выхода в 1868 году журнала Отечественные записки Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Елисеева и Михайловского и публикация на его страницах Исторических писем П. Л. Лаврова.

Большой внутривнутриполитический и внешнеполитический резонанс продолжали производить: подавление восстания в Польше 1863-1864 гг.; присоединение Туркестанского края в 1865-1867 гг.; войны в 1866 г. Пруссии и Италии против Австрии; Венский мир Австрии с Италией и присоединение Венецианской области к Италии; образование в 1867 г. дуалистической Австро-Венгерской монархии и Северогерманского союза; славянский съезд в Москве в том же году. Не остались незамеченными Н. Я. Данилевским и такие события, как основание 1 -го Интернационала в 1864 г. и выход первого тома «Капитала» Маркса в 1867 г. Данилевский упоминает в негативном плане и о коммунизме, и о Марксе в ряду имен, которым бездумно начинает поклоняться российская интеллигенция.

Таков был внутривнутриполитический и внешнеполитический фон, сопровождавший создание Н. Я. Данилевским его главного фундаментального труда. И, несмотря на

огромную профессиональную занятость и на отвлекающие внимание бурные текущие события, труд этот был успешно завершён, и полностью готовая рукопись в конце 1868 г. появилась в редакции журнала Заря. Обычно книги создавались на основе журнальных публикаций авторов за несколько лет. Но в данном случае рукопись книги была полностью подготовлена без предварительных публикаций и в течение следующего 1869 г. была опубликована. Эта необычная технология появления научного труда и привела впоследствии к ошибочному наименованию отдельно вышедшей книги в 1871 г. «вторым» ее изданием. Первым изданием посчитали ее журнальный вариант.

Итак, первая публикация книги состоялась в журнальном варианте в 1869 г. А в 1871 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание труда в виде книги, ошибочно, как отмечалось, названное вторым. Тираж был немалым по тем временам для научного труда - 1200 экземпляров. Его реализация растянулась на 15 лет. А затем до революционного 1917 года вышло еще три издания книги - в 1888, 1889 и 1895 годах, соответственно ошибочно обозначенные как 3-е, 4-е и 5-е. Как видим, особым спросом книга пользовалась в 80-90-х годах XIX века, уже после смерти Н. Я. Данилевского. Издание 1888 г. разошлось в том же году к ноябрю. В следующем году ввиду неудовлетворенного спроса его пришлось повторить. 24 апреля 1890 года Н. Н. Страхов с радостью сообщил Л. Н. Толстому по поводу этого очередного издания книги: «Успех "России и Европы" все еще растет, т. е. книга быстро расходуется, и случается слышать большие восторги от тех, кто первый раз прочел».

Нарастание этого интереса к книге Н. Я. Данилевского объяснялось многими причинами: как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими. Подтверждались многие мысли Данилевского об отношении Европы к России, его прогнозы о нарастающем весе и роли России и славянского мира в международных делах. Но главная причина таилась в обострении для России вопроса о выборе ею дальнейшего пути развития. Участие в споре о книге Данилевского выводило на поиски ответов на этот, в очередной раз с особой силой поставленный перед Россией вопрос. И то, что в дискуссии по книге прямо (полемическими статьями) или косвенно (своими трудами) приняли участие самые выдающиеся философы, социологи, историки России того времени: Н. Н. Страхов, В. С. Соловьёв, К. Н. Леонтьев, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, В. В. Розанов, К. Н. Бестужев-Рюмин и т. д., - усиливало читательский интерес к «России и Европе».

Что же нового предложил читателю Н. Я. Данилевский в своей книге под названием, которое на первый взгляд, казалось, несло только внешнеполитическую нагрузку? Под этим непритязательным названием мыслитель-новатор, неутомимый «искатель истины» выдвинул, прежде всего, новую теорию всемирно-исторического процесса и во многом по-новому поставил два уже не новых тогда вопроса: «Запад и Россия», «Россия и славянский мир».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2092037144216505>

О ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

«Конечно, Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания»

Н. Я. Данилевский

Разбирая причины враждебности Европы по отношению к России, Н.Я. Данилевский во второй главе книги «Россия и Европа» высказывает тезис о том, что значительная часть территории России была заселена русскими «свободным» путем, а не путем «государственного завоевания». Он полагает, что никогда в истории занятие народом «предназначенного ему исторического поприща» не стоило меньше крови и слез. Подчинение малых народов Данилевский считает справедливым историческим исходом, поскольку, по его мнению, у этих народов отсутствует потребность в политической самостоятельности ввиду ее отсутствия на уровне сознания. Обратимся к его рассуждениям:

«Конечно, Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, – столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, – область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта перерезывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной этнографической перегородки. Западная половина этой области прорезывается расходящимися во все стороны из центра реками: Северною Двиною, Невою – стоком всей озерной системы, Западною Двиною, Днепром, Доном и Волгою точно так же, как в малом виде Франция: Маасом, Сеною, Луарою, Гаронною и Роною. Восточная половина прорезывается параллельным течением Оби, Енисея и Лены, которые также не разделены между собою горными преградами. На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать и попираť ногами, чтобы занять их место.

Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез. Он терпел много неправд и утеснения от татар и поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не назовем утеснением отражения несправедливых нападений и притязаний. Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях помянутых народностей. Он или занимал пустыри, или соединял с собою путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней; или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли более сохранять ее, как армяне и грузины. Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины, сливающие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России. Но прежде надо согласиться в значении слова "завоевание". Завоевание есть политическое убийство или,

по крайней мере, политическое изувечение; так как, впрочем, первое из этих выражений употребляется совершенно в ином смысле, скажем лучше: национальное, народное убийство или изувечение. Хотя определение это метафорическое, тем не менее оно верно и ясно...

Всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание. Это последнее условие очень важно и требует некоторого разъяснения. Если бы, например, Пруссия покорила Данию или Франция Голландию, они причинили бы этим действительное страдание, нарушили бы действительное

право, которое не могло бы быть вознаграждено никакими гражданскими или даже политическими правами и льготами, дарованными датчанам или голландцам; ибо, кроме личной и гражданской, кроме политической, или так называемой конституционной, свободы, народы, жившие самостоятельною государственною и политическою жизнью, чувствуют еще потребность, чтобы все результаты их деятельности – промышленной, умственной и общественной – составляли их полную собственность, а не приносились в жертву чуждому им политическому телу, не терялись в нем, не составляли материала и средства для достижения посторонних для них целей. Они не хотят им служить, потому что каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, – задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях. Но необходимое условие для достижения всего этого составляет национально-политическая независимость. Следовательно, уничтожение самостоятельности такой национальности может быть по всей справедливости названо национальным убийством, которое возбуждает вполне законное негодование против его совершителя.

К этому же разряду общественных явлений относится и то, что я назвал национальным изувечением. Италия, например, ощущала действительное страдание оттого, что часть ее – Венеция – оставалась присоединенной к чуждому ей политическому телу – Австрии, хотя это и не составляло непреодолимого препятствия к развитию ее национальной жизни; точно так, как отсечение руки или ноги не прекращает жизни отдельного человека, но тем не менее лишает ее той полноты и разносторонности проявлений, к которым она была бы способна без этого увечья. Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою. Таковы были в недавнее время итальянцы; таковы до сих пор греки, сербы и даже русские, от которых отделены еще три или четыре миллиона их галицких и угорских единоплеменников. А сколько еще пока под спудом почивающих народностей, чающих своего воскресения! Сказанное здесь было бы, однако ж, несправедливо и неразумно относить и к таким племенам, которые не жили самостоятельною историческою жизнью, потому ли, что вовсе не имели для сего внутренних задатков, или потому, что обстоятельства для них сложились неблагоприятно и возможность их исторического развития была уничтожена в такой ранний период их жизни, когда они составляли только этнографический материал, еще

не успевший принять формы политической индивидуальности,— так сказать, прежде, чем в них был вдунут дух жив. Такие племена,— как, например, баски в Испании и Франции, кельты княжества Валисского и наши многочисленные финские, татарские, самоедские, остяцкие и другие племена,— предназначены к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с той исторической народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений. Эти племена имеют, без сомнения, право на ту же степень личной, гражданской и общественной свободы, как господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность, ибо, не имея ее в сознании, они и потребности в ней не чувствуют, и даже чувствовать не могут. Нельзя прекратить жизни того, что не жило; нельзя изувечить тела, не имеющего индивидуального объединения. Тут нет, следовательно, ни национального убийства, ни национального увечья, а потому нет и завоевания. Оно даже невозможно в отношении к таким племенам. Самый этимологический смысл слова "завоевание" не применим к подчинению таких племен, ибо они и сопротивления не оказывают, если при этом не нарушаются их личные, имущественные и другие гражданские права. Когда эти права остаются неприкосновенными, им, собственно, и защищать более нечего».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2096208273799392>

НЕПОНИМАНИЕ ЕВРОПОЙ РОССИИ

«Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему»

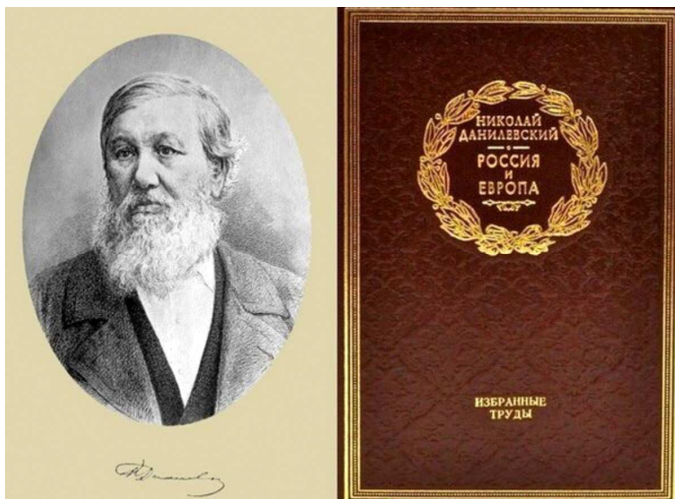
Н. Я. Данилевский

Главная мысль Н.Я. Данилевского, которую он высказывает во второй главе книги «Россия и Европа», состоит в том, что Европа априори враждебно настроена по отношению к России. Объяснение, по мнению Данилевского, заключается в том, что Европа видит в России конкурента, она не считает себя способной колонизировать Россию на манер восточных стран, поскольку последняя обладает крепким цивилизационным «ядром». Данилевский пишет:

«Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особливо надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, – которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, – которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно – чтобы не сказать невозможно – перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вишь».

Уж и теперь не поздно ли, не упущено ли время? Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели не все ли средства хороши? Не это ли проповедуют и иезуиты, и мадзинисты, – и старая, и новая Европа? Будет ли Шлезвиг и Голиштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах, стоит ли о том толковать много? Державность Европы от того не потерпит, общественному мнению нечего слишком волноваться, надо быть снисходительным между своими. Склоняются ли весы в пользу Афин или Спарты, не та же ли Греция будет царить? Но как дозволить распространиться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем Божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации. Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственности меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) – и когда оно идет о других странах и народах. Для этой

несправедливости для этой неприязненности Европы к России,— которым сравнение 1864-го 1854 годом служит только одним из бесчисленных примеров,— сколько бы мы ни искали, мы не найдем причины в тех или других поступках России; вообще не найдем объяснения и ответа, основанного на фактах. Тут даже нет ничего сознательного, в чем бы Европа могла дать себе самой беспристрастный отчет.

Причина явления лежит глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели; ибо в общих, главных очертаниях история слагается не по произволу человеческому, хотя ему и предоставлено разводить по ним узоры. Что вело древних германцев к непрерывным нападениям на Рим? Говорят, что юг имеет непреодолимую

прелесть для сынов севера. Не нужно обширных этнографических сведений, чтобы видеть, что это совершенно несправедливо. Ежедневный опыт удостоверяет, что каждый неkochующий народ,— а германцы во время войны с Римом были уже оседлы,— в первобытное время столько же, по крайней мере, как и впоследствии, имеет почти непреодолимую привязанность к своей родине, к своему климату, как бы он ни был суров, к окружающей его природе, как бы она ни была бедна. Юг для народов севера имеет в себе что-то убийственное. Возьмите для примера хоть поселение русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленный своей собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности. Не приманка юга, а какая-то ненависть влекла народы на гибель Риму. Почему так хорошо уживаются вместе и потом мало-помалу сливаются германские племена с романскими, а славянские с финскими? Германские же со славянскими, напротив того, друг друга отталкивают, антипатичны одно другому; и если где одно замещает другое, то предварительно истребляет своего предшественника, как сделали немцы с полабскими племенами и с прибалтийскими славянскими поморянами.

Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. Куда девается тут беспристрастие взгляда,— которым не обделена, однако же, и Европа, и особенно Германия,— когда дело идет о чуждых народностях? Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2097582510328635>

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ

«Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся»

Н. Я. Данилевский

В своей работе «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский вводит понятие «культурно-исторический тип», под которым он подразумевает особый цивилизационный тип развития. Он предлагает различать «тип развития» и «степень развития» - само деление на степени, по его мнению, не является универсально-историческим, но применимо лишь в отношении конкретного типа развития. Вообще, согласно Данилевскому, народы в истории могут выступать либо носителями самобытного культурно-исторического типа, либо разрушителями дряхлых цивилизаций, либо служителями других народов. Обратимся к его рассуждениям:

«Естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться.

Отыскание и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны. За ними не признавалось только их первостепенного значения, которое, вопреки правилам естественной системы и даже просто здравого смысла, подчинялось произвольному и, как мы видели, совершенно нерациональному делению по степеням развития. Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американские типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные - от типов или цивилизаций преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного другому, как материалы для питания или как удобрение (то есть обогащение разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами) той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип. Таковыми преемственными типами были: египетский, ассирийско-вавилоно-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский. Так как ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изжигается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская, хотя бы эти последние и одни

равнялись всем им продолжительностью жизни. Вот, мне кажется, самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя.

Однако же и эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа; в чем, собственно, и заключается прогресс. Не говоря о тех открытиях и изобретениях, которые (как, например, десятичная система циферных знаков, компас, шелководство, а может быть, порох и гравюра) перенесены в Европу с Востока, через посредство арабов, разве индийская поэзия и архитектура не должны считаться обогащением общечеловеческого искусства? Гумбольдт замечает во второй части "Космоса", что открытия индийских ученых в алгебре могли бы составить обогащение европейской науки, если бы сделались известны несколько ранее. Но в другой области знания европейская наука действительно много обязана индийской, именно: понятие о корнях, играющее столь важную роль в лингвистике, было выработано индийскими грамматиками. Китайское земледелие составляет до сих пор высочайшую степень, до которой достигало это полезнейшее из искусств.

Но и эти культурно-исторические типы, которые мы назвали положительными деятелями в истории человечества, не исчерпывают еще всего круга ее явлений. Как в Солнечной системе наряду с планетами есть еще и кометы, появляющиеся время от времени и потом на многие века исчезающие в безднах пространства, и есть космическая материя, обнаруживающаяся нам в виде падающих звезд, аэролитов и зодиакального света, так и в мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогли испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество. Назовем их отрицательными деятелями человечества.

Иногда, впрочем, и зиждательная и разрушительная роль достается тому же племени, как это было с германцами и арабиянами. Наконец, есть племена, которым (потому ли что самобытность их прекращается в чрезвычайно ранний период их развития или по другим причинам) не суждено ни зиждательного, ни разрушительного величия, ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов - культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собою разнообразие и богатство их, но сами не достигают до исторической индивидуальности. Таковы племена финские и многие другие, имеющие еще меньшие значения.

Иногда нисходят на эту ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы, в ожидании пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их, в смеси с другими элементами, в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в

форме нового культурно-исторического типа. Так случилось, например, с народами, составлявшими Западную Римскую империю, которые и в своей новой форме, подвергшись германскому образовательному принципу, носят название романских народов».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2098923096861243>

ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ

«Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития»

Н. Я. Данилевский

В работе «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский вводит пять законов развития культурно-исторических типов. При этом важной для него идеей является то, что каждая цивилизация достигает успехов лишь в определенных областях жизни, и ни одна цивилизация не может достичь успехов во всем. В этом смысле человечество представляет собой совокупность взаимно дополнительных культур. Обратимся к рассуждениям Данилевского:

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою,- для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий,- составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие,- когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения - относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу...

Прогресс, как мы сказали выше, состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития. Так, в отношении идеи красоты - греческий мир дошел, можно сказать, до крайнего предела совершенства, и новая европейская цивилизация не произвела ничего такого, что бы могло не только затмить, но даже сравняться с произведениями греческого пластического искусства, которое поэтому изучается наравне с природою, как самое полное и лучшее её истолкование. Греческое искусство сделалось достоянием всего человечества, собственностью последующих

цивилизаций, но именно только собственностью, т. е. тем, чем они могут пользоваться, наслаждаться, - что они могут понимать, но не приобретать вновь, как приобрели его греки, а тем менее идти в том же направлении дальше. Потому народы европейского культурного типа пошли по другому направлению, по пути аналитического изучения природы, и создали положительную науку, которой ничего подобного не представляет никакая другая цивилизация. Конечно, духовные дары народов каждого типа не так односторонни, чтоб исключительно преследовать одну сторону жизни, чтобы греки осуществляли только изящное и прекрасное, а европейцы - одно положительное знание. И греки сделали много для науки, выставили даже одного гения - Аристотеля, который среди греческого мира был как бы предвозвестником европейского направления.

Точно так же и европейцы сделали много для искусства, и если не в состоянии были повести его далее, то расширили его область. В чистой области прекрасного, т. е. в красоте формы и в полной гармонии содержания с формой, народы германо-романского мира, конечно, не произвели ничего подобного поэмам Гомера, статуям Фидия или трагедиям Софокла; но зато пошли далее в глубине психического анализа, в выражении характеров, в живописи страстей, хотя и не без нарушения гармонии формы. Там же, где они думали идти совершенно по стопам древних, как во французской псевдоклассической трагедии, - произвели только карикатуры. Подобным образом высшие религиозные идеи вырабатывались только семитическими племенами. Этим я вовсе не думаю отвергать сверхъестественности полученного евреями откровения, ибо и в этом случае только семитическое племя (без сомнения, по особенностям своей психической природы) могло принять и сохранить вверенную ему истину единобожия.

То же применяется и к более частным сферам. Система гражданского права, выработанная римскою жизнью, составляет до сих пор недостижимый образец. Не имеет себе также ничего подобного величие политического здания, созданного небольшим римским народом, который, жертвуя всем носимому им в душе идеалу вечного государства, умел привить дух свой стольким чуждым народностям, заставить их поклоняться его идолу и даже признать этого идола своим. С Римом сравнивают часто в этом отношении Англию, но ничто не может быть несправедливее такого сравнения. Англия даже собственные свои колонии, населенные английским же народом, не умела заставить разделять чувства ее государственного величия; а уж о прививке этого чувства к другим народностям и говорить нечего. Я говорю это вовсе не в укор ей; как достоинства, так и недостатки Англии совершенно иного рода. Скорее за Францией можно признать этот римский дух, хотя и в гораздо меньших размерах; а желание вполне ему подражать в больших размерах (как во времена Карла Великого, так и во времена Людовика XIV и Наполеона) произвело опять-таки одни карикатуры, окончившиеся совершенным фиаско.

Эта двойственность в жизни культурно-исторических племен, выражающаяся в неопределенно длинном периоде образовательном, когда бессознательным образом заготавливается материал и кладутся основы будущей деятельности, и в сравнительно кратком проявительном или деятельном периоде, когда эти запасы истрачиваются на создание цивилизации, - имеет своим посредником тот промежуток времени, в который

народы готовят, так сказать, место для своей деятельности, строят государство и ограждают свою политическую независимость, без которой, как мы видели, цивилизация ни начаться, ни развиваться, ни укрепиться не может. Переход как из этнографического состояния в государственное, так и из государственного в цивилизационное, или культурное, обуславливается толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2104397689647117>

ГНИЕТ ЛИ ЗАПАД

«Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, in potentia) в идее человечества»

Н. Я. Данилевский

Одна из глав работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» имеет следующее интересное название: «Гниет ли Запад?». Данилевский не дает однозначного ответа на им самим же поставленный вопрос. С одной стороны, он констатирует, что нынешнее состояние Европы не позволяет применить к нему оценочное понятие «гниение», а с другой стороны, он утверждает, что Европа уже прошла высшую фазу своего развития и сейчас находится на стадии «заката» (она все еще пожинает плоды своей лучшей эпохи, но стремительно катится к упадку). Данилевский полагает, что имеется универсальный закон, по которому все культурно-исторические типы проходят различные стадии развития, и Европа здесь не является исключением. Он пишет:

«В какое время достигли творческие силы, произведшие греческую цивилизацию, своего апогея? Без сомнения, век Перикла представляет уже окончание этого периода. На это время падает цвет искусств и закладка того философского мышления и того рода научного исследования, которые составляют характер греческой науки. Уже с Пелопоннесской войны Греция очевидно клонится к своему падению. Век Аристотеля есть уже время полного упадка, но тут только и философия и даже искусство достигают своего апогея, и только еще позже, в то время, которое можно назвать временем разложения, или, пожалуй, менее вежливо, гниения, достигает положительная наука своего полного развития в Александрии. Так же точно время полной силы римского народа совпадает с временем окончания войн Пунических и Македонских, ибо, начиная с Гракхов, внутренняя болезнь римского общественного тела начинает уже с силою обнаруживаться и требует героического, хотя и паллиативного лечения цезаризмом. Но время процветания римской цивилизации, когда она начала давать лучшие свои плоды, принадлежит царствованию Августа. Даже во времена Антонинов, непосредственно предшествовавших началу окончательного разложения, результаты римской цивилизации представлялись еще во всем блеске. Рим почти ничего не произвел самостоятельного ни в философском мышлении, ни в положительном научном исследовании. Единственное исключение составляет практическая область права - и научная обработка его соответствует очень позднему времени римской жизни; она, собственно, начинается в век Антонинов, а блестящий период этого права переживает самое Западно-Римское государство, давшее ему начало, переселившись на почву Византии. По тем немногим сведениям, которые удалось извлечь науке из разных памятников индийской культуры, временем ее творческого периода должно считать то, когда развилась браманская цивилизация, после покорения пригангских стран, и когда односторонность ее вызвала буддийский протест. Но блистательнейшие свои результаты представила эта культура в начале нацией эры, во времена царя Викрамадитьи, когда жил Калидаси, когда возводились великолепные пагоды Эллары и Бенареса и процветали науки философские и математические. Не выходит ли из этого троекратного примера, что кульминационная точка творческих общественных сил, создающих цивилизацию, совпадает с высшим цветом искусств и с временем философски энциклопедического знания, которое дает характер будущему направлению научного развития, и что период положительной, особенно же практической, применительной,

науки характеризует то время, когда творческие общественные силы уже довольно далеко оставили за собою эпоху своего летнего солнцестояния?

Какое же время цивилизации Европы соответствует этим эпохам апогея творческих сил и какое этим эпохам наибольшего накопления их результатов - исчезнувших цивилизаций Индии, Греции и Рима? Аналогия так поразительна, что трудно не ответить, что первым соответствует XVI и XVII век, когда возводился храм Петра, писали: Рафаель, Микеланджело и Корреджио, Шекспир сочинял свои драмы, Кеплер, Галилей, Бэкон и Декарт закладывали основы нового мышления и новых методов научного исследования, а вторым - столь обильным результатам теоретическими и практическими - XIX век. В первую эпоху заложено все самобытное в европейском искусстве и в европейской науке, так что в последующее время оно только продолжало развиваться по тому же пути. Плод есть, по преимуществу, дар начала осени, а цвет, по преимуществу, дар конца весны. Точно так, как образование растительного зародыша совершается в оболочке, поражающей прелестью формы и блеском красок, так и зародыш новой философии и научной мысли бывает окружен всею прелестью поэзии, всей роскошью искусства. Момент цветения представляет нам последнюю закладку нового в жизни растения, а потому и должно считать его высшим моментом творчества растительной силы, за которым следует уже одно созревание. Оно продолжается после того, как и листья, главные органы питания, засохнут; продолжается даже иногда, когда сам плод оторван от растения, на котором завязался и образовался; продолжается даже на полках кладовой. Точно так же и высшим моментом творчества общественных сил должно признать то время, когда проявляются окончательно те идеи, которые будут служить содержанием всего дальнейшего культурного развития. Результаты этого движения, этого толчка долго могут еще возрастать и представлять собою всю роскошь и изобилие плодов цивилизации, но уже создающая ее и руководящая ею сила будет ослабевать и клониться к своему упадку. Таков общий характер всякого постепенного развития, проявившийся во всех цивилизациях, совершивших свой цикл, где ход его нам сколько-нибудь известен. Если культурно-исторический тип Европы должен составлять исключение из этого общего характера, то надо указать причины такого единственного в своем роде исключения, а мы их, признаться, не видим.

При этом не надо выпускать из виду следующего: культурный тип Рима был простой, осуществляясь в одном государстве. Более сложен был тип Греции, а вследствие этой сложности различные периоды его развития не могли быть совершенно одновременны. Когда жизнь иссякла уже в Афинах, живших лишь своими славными воспоминаниями, союзы Ахейский и Этолийский на некоторое время сохранили еще жизненность греческого начала. Еще полнее и долее сохранилось оно в Александрийской колонии, а потом в Царьграде. Еще сложнее двусловный европейский тип, и потому естественно, что ежели в каком-либо из составляющих его народов ход развития был задержан неблагоприятными обстоятельствами, то в этом народе и высшее развитие творческого начала и его результатов появится позднее, чем у остальных народов. Это случилось, например, с Германией, в которой тридцатилетняя опустошительная междоусобная война задержала начавшееся во время Реформации развитие высшей

культуры. Поэтому наступивший только в половине прошедшего столетия период высшего поэтического творчества в Германии и последовавшее за тем развитие самобытного германского философского мышления, а наконец и положительной науки, в которой только по истечении первой четверти XIX столетия заняла она первенствующее место, не может считаться противоречием высказываемому здесь взгляду на общий ход европейской цивилизации, взгляду, по которому ее творческие созидательные силы вступили уже около полутора или двухсот лет тому назад на нисходящую сторону своего пути. Наступило уже время плодоношения! Жатва ли это, или сбор плодов, или уже сбор винограда; позднее ли лето, ранняя ли или уже поздняя осень, сказать трудно; но, во всяком случае, то солнце, которое возвращало эти плоды, перешло за меридиан и склоняется уже к западу».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2105724692847750>

РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ТИП

«Ежели бы, когда человечество совершит весь свой путь или, правильнее, все свои пути, нашелся кто-либо, могущий обозреть все пройденное, все разнообразные типы развития, во всех их фазисах, тот мог бы составить себе понятие об идее, осуществление которой составляло жизнь человечества,- решить задачу человечества; но это решение было бы только идеальное постижение ее, а не реальное осуществление»

Н. Я. Данилевский

Рассматривая психологические особенности культурно-исторических типов, Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» отмечает, что романо-германскому типу наиболее всего свойственна «насильственность». В ее основе, по его мнению, лежит обостренное чувство собственной индивидуальной значимости, эгоцентризм. Опираясь на эту психологические особенности, Данилевский трактует многие события европейской и мировой истории. Обратимся к его рассуждениям:

«Для отыскания таких свойств, которые можно бы было считать поистине чертами национального характера, и притом существенно важными, надо избрать иной путь, нежели простая описательная передача частных наблюдений. Ежели бы нам удалось найти такие черты национального характера, которые высказывались бы во всей исторической деятельности, во всей исторической жизни сравниваемых народов, то задача была бы решена удовлетворительно, ибо если какая-либо черта народного характера проявляется во всей истории народа, то необходимо заключить, во-первых, что она есть черта, общая всему народу, и только по исключению может не принадлежать тому или другому лицу; во-вторых, что эта черта постоянная, не зависящая от случайных и временных обстоятельств того или другого положения, в котором народ находится, той или другой степени развития, через которые он проходит; наконец, в-третьих, что эта черта существенно важная, если могла запечатлеть собою весь характер его исторической деятельности. Такую черту вправе мы, следовательно, принять за нравственный этнографический признак народа, служащий выражением существенной особенности всего его психического строя. Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность (Gewaltsamkeit). Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо-должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего - своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма. чрезмерного чувства собственного достоинства чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии - к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета. Конечно, он имеет и хорошие стороны, составляет основу настойчивого образа действия, крепкой защиты своих прав и т. д....

Что же такое сам католицизм, как не христианское учение, подвергнувшееся искажению именно под влиянием романо-германского народного характера? Само христианское учение не содержит никаких зародышей нетерпимости, следовательно, нельзя сказать, чтоб оно придало насильственность характеру народов, его исповедующих, как, например, это можно с полным правом утверждать относительно влияния исламизма. Если, следовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то, конечно, не могло ниоткуда заимствовать их, как из характера народов, его исповедующих...

Если бы не общий дух насильственности германо-романских народов, откуда взялся бы несвойственный христианству прозелитизм, огнем и мечом принуждавший креститься племена Восточной Германии еще при Карле Великом, а при последующих императорах и северо-западные славянские племена? Откуда эти рыцарские ордена, Тевтонский и Меченосцев, внесшие насильственную

*проповедь к Литве, к латышам и к эстам и закрепостившие себе имущество и личность этих народов? Где бы взяли папы средства для кровавого подавления альбигойцев и вальденцев? Откуда набрела бы Екатерина Медичи убийц Варфоломеевской ночи? Могли ли бы, без насильственности в самом народном характере, явиться ревнители папства, часто более ревностные, чем сами папы, распространявшие и защищавшие его господство тонким насилием иезуитизма и грубым насилием инквизиции? Но лучшим доказательством, что не католицизм как христианское учение, так сказать, извне навязал характер насильственности на всю религиозную деятельность европейских народов, служит то, что и там, где протестантизм, имеющий притязание на учение свободное по преимуществу, заменил собою католичество, мы не видим в его последователях большей терпимости. Кальвин сжигает своего противника Серве не хуже какого-нибудь Констанцского собора; англичане гонят одинаково как католиков, так и пресвитериан; пуритане представляют собою образец религиозной нетерпимости. Но ведь это, скажут мне, все дела давно минувших дней, результат грубости, варварства, и не подает ли теперь Европа, не только протестантская, но и католическая, пример религиозной терпимости - совершенного невмешательства в дела человеческой совести? Правда. Но когда же случился этот спасительный переворот? Не раньше, чем когда вообще религиозный интерес отступил на второй, третий, четвертый, одним словом, задний план и стушевался перед прочими интересами дня, волнующими европейское общество. Когда религия потеряла большую часть своего значения, так сказать, потеряла свой общественный характер, перестала быть *res publica*, удалившись в глубь внутренней семейной жизни, тогда немудрено было сделаться наконец терпимым в отношении к ней, то есть, в сущности, равнодушным, по пословице: "На тебе Боже, что нам негоже".*

Насильственность как коренная черта европейского характера через это не уничтожилась. Гони природу в дверь, она влетит в окно. Когда явился новый предмет, сосредоточивший на себе главный интерес общества, в нем должны были по преимуществу проявляться и все черты народного характера. Еще религия не потеряла своего первенствующего значения для европейского общества, как внимание его было обращено на отдаленные морские открытия, обещающие обширное и выгодное поле

действия всем предприимчивым людям, которые к нему обратятся. Колониальные завоевания и колониальная политика составляли главные интересы европейских народов одновременно с реформацией и долго после нее. Земной шар оказался тесным для честолюбия Испании и Португалии, понадобилось разделить его демаркационной линией. Подвиги конквистадоров слишком известны, чтобы нужно было на них останавливаться; притом же они могут быть истолкованы грубостью, алчностью искателей приключений, принадлежавших нередко к отребьям человеческого общества. Да и не это желал бы я выставить на вид; для своей цели я должен ограничиваться самыми общими крупными чертами, в которых, так сказать, замешано все общество. И факт достаточной крупноты представляет нам торговля неграми: охота за людьми, упаковка их как товар, выбрасывание десятками за борт, тяжелое рабство миллионов! Несмотря на разведение негров на людских заводах и на крепкую природу их, они не могли выдерживать тяжести неволи, безудержного труда, и потому должны были быть неперестанно пополняемы из Африки, неоскудевающего их источника. Другого, столь же крупного, факта не представляет всемирная история».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2107171546036398>

СЛАВЯНСКИЙ ТИП

«Между тем как англичанин, немец, француз, перестав быть англичанином, немцем или французом, сохраняет довольно нравственных начал, чтобы оставаться еще замечательною личностью в том или другом отношении, русский, перестав быть русским, обращается в ничто - в негодную тряпку, чему каждый, без сомнения, видел столько примеров, что не нуждается ни в каких особых указаниях»

Н. Я. Данилевский

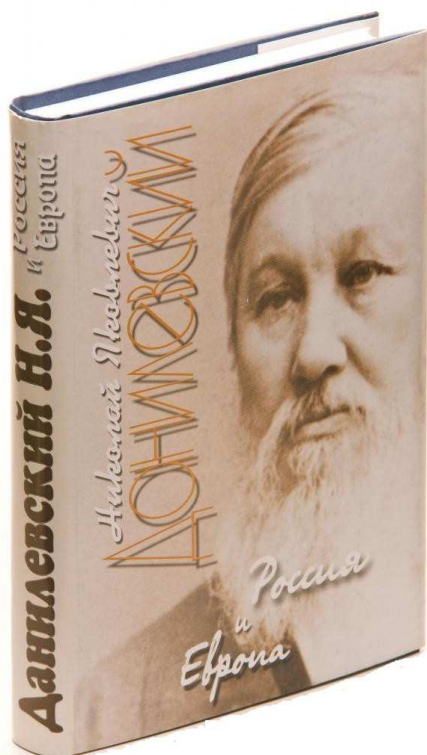
Главной особенностью славянского типа, согласно Н.Я. Данилевскому, является миролюбие — черта, прямо противоположная романо-германской «насильственности». По мнению Данилевского, миролюбивость славянского типа оставила черты в русской религиозности, характере русских завоеваний, повседневной жизни и многом другом. Обратимся к его рассуждениям:

«Что же представляет нам в параллель этой насильственности европейской истории, проявлявшейся во всяком интересе, получавшем преобладающее значение, - история России? Религия составляла и для русского народа преобладающий интерес во все времена его жизни. Но он не ожидал проповеди энциклопедистов, чтобы сделаться терпимым. Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. Скажут, что таков характер исповедуемого ею православия. Конечно. Но ведь то же православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видим, оно исказилось именно под влиянием насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у русского и вообще у славянских народов, значит, в самых их природных свойствах не было задатков для такого искажения, или, по крайней мере, они были так слабы, что не только не могли осилить того кроткого духа, который веет от христианства, но, напротив того, усвоив его себе, совершенно ему подчинились. Мало того, и те славянские племена, как, например, чехи, у которых вследствие германской насильственности православие уступило место католицизму, никогда не проявляли религиозной нетерпимости. Они только терпели от нее, а не сами заставляли терпеть; в их крови были потушены те православные воспоминания, которые с такою силою пробивались наружу в славные времена Гуса и Жижки. Один из славянских народов - поляки - представляет действительное и грустное исключение. Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории. Но та, сравнительно небольшая, доля польского народа - шляхетство, к которой только и может по справедливости относиться этот упрек, могла усвоить себе европейскую насильственность не иначе как исказив и весь свой славянский образ, совершенно отказавшись от него, сделавшись ренегатом славянства во всех отношениях до такой степени, что обращается в орудие Турции для угнетения славян.

И в самой русской истории проглядывают временами черты религиозной нетерпимости, именно относительно старообрядцев. Мы не оправдываем их, но должны, однако же, сказать, что, во-первых, эти гонения, в сравнении с европейскими религиозными гонениями, представляются лишь слабыми бледными отпечатками; во-вторых, что для правильного понятия об этих гонениях надо отличить в них два различных характера. Именно они имеют совершенно различные свойства до и после Петра. Только в первый непродолжительный период характер их был действительно религиозный, и таковой получили они, без сомнения, от начинавшего в то время оказывать влияния западнорусского, киевского духовенства, которое, терпя само

непрестанное гонение от латинства, находясь в непрерывных с ним отношениях, невольно заразилось в некоторой степени духом католической нетерпимости, который и передало Московскому государству тем успешнее, что было образованнее духовенства восточно-русского. Во второй период гонение имело исключительно характер политический, и старообрядство преследовалось как сильнейший протест русской жизни против иноземщины, в самый сильный разгар которой - при Бироне, преследовалось даже и само православие. Кроме этого, надо помнить, что русский народ никогда не сочувствовал гонению на старообрядство и тем менее в нем участвовал: оно производилось одною внешнею силою полиции. Надо также принять во внимание, что, взявшись за несвойственное народному характеру дело, правительство выказало в нем полную свою неумелость. К русскому религиозному гонению можно бы применить слова расхитившегося взяточника: "А если уж на то пошло, так и взятки не так берут".

Русский народ имел также период обширных, отдаленных завоеваний, или, лучше сказать, расселении; эти завоевания производились, как и во времена испанских конкистадоров, почти без участия правительства, искателями приключений и даже разбойничьими атаманами; -и, однако же, какая разница! Слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное состояние.

Итак, вот одно существенное различие. Славянские народы самою природою избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удастся только перемещать из одной формы деятельности в другую. Неужели же такая прирожденная гуманность не отразится, как совершенно особая, своеобразная черта, в характере той цивилизации, которую им удастся создать? Она и отражается во многом и многом, например в русском законодательстве относительно смертной казни. При самом принятии христианства Владимиром, он почувствовал всю несообразность ее с высоким учением, которым просветился, и тем доказал, что более проникся духом его, чем его учителя и наставники, которые софистическими доказательствами умели устранить великодушные сомнения равноапостольного князя. Так же думал о смертной казни и Мономах - и все это в разгар средневекового варварства в Европе. Когда, после

реформы Петра, русская жизнь начала опять понемногу поворачивать в русскую колею, императрица Елизавета, женщина с истинно русским сердцем, опять отменила смертную казнь, гораздо ранее, чем в Европе даже в теории против нее восстали. Ее русскому сердцу не надо было для этого никаких Беккариев. Если этот великодушный закон не всегда осуществлялся на практике, то опять, как в религиозных гонениях, не от чего другого, как от европейских влияний, на которые мы, к сожалению, так податливы. В принципе, по крайней мере, смертная казнь и до сих пор имеет в нашем законодательстве только характер необходимой обороны, а не правомерной кары, как это, например, видно из того, что она налагается за нарушение карантинных правил, а в других случаях налагается не иначе как судом по Полевому уложению. Так же точно и

отношение всего народа к преступникам запечатлено совершенно особенным, человеческим и истинно христианским характером. Можно еще указать на чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу. Тот же характер имеет и вся внешняя политика России, также нередко к ущербу России. Эта чересчур бескорыстная политика часто имела весьма невыгодные результаты для тех, которые имели всего более прав на нашу помощь и на наше сочувствие, но самая несправедливость, самые ошибки эти имели тем не менее своим источником отсутствие насильственности в характере, побуждавшее жертвовать своими интересами — чужим».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2108185545934998>

РАННИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

«Русский народ перешел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим, общим целям, - и цели эти достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основе»

Н. Я. Данилевский

Представляют интерес рассуждения Н.Я. Данилевского о ранних этапах российской истории, о соотношении государственного и народного начал в ней. Краткий анализ представлен в конце X-й главы работы «Россия и Европа». Данилевский стремится показать, что государство и народ в России характеризуют сложные диалектические взаимоотношения, притом татарское иго в данном плане не отклоняется от нормы. Обратимся к его рассуждениям:

«Первый толчок, положивший начало тысячелетнему процессу образования Русского государства, был сообщен славянским племенам, рассеянными по пространству нынешней России, призыванием варягов. Самый факт призывания, заменивший для России завоевание, существенно важный для психологической характеристики славянства, в занимающем нас теперь отношении не имеет большого значения. И англосаксы были призваны британцами для защиты их от набегов пиктов и скоттов; со всем тем, однако же, порядок вещей, введенный первыми в Англии, ничем существенным не отличается от того, который был введен в других европейских странах, и призывание в этом случае по своим последствиям было равносильно завоеванию. Это, конечно, могло бы случиться и с русскими славянами, если бы пришельцы, призванные для избавления от внутренних смут, были многочисленнее. Но, по счастью, призванное племя было малочисленно, как это доказывается уже тем, что до сих пор существует возможность спорить о том, кто такие были варяги. Если бы их численность была значительнее, то они не могли бы почти бесследно распуститься в массе славянского народонаселения, так что уже внук Рюрика носит славянское имя, а правнук его, Владимир, сделался в народном понятии типом чисто славянского характера. Если бы и не осталось никаких летописных известий о том, кто были англосаксы, франки или норманны Вильгельма Завоевателя, то вопрос этот подлежал бы бесспорному решению на основании одного изучения языка и учреждений, в которых отпечатался характер национальностей названных завоевателей. Эта-то малочисленность варягов, даже помимо их призывания, не позволила им внести в Россию того порядка вещей, который в других местах был результатом преобладания народности господствующей над народностью подчиненной. Поэтому варяги послужили только закваскою, дрожжами, пробудившими государственное движение в массе славян, живших еще одною этнографическою, племенною жизнью; но не могли положить основания ни феодализму, ни другой какой-либо форме зависимости одного народа от другого.

Между первым толчком, сообщившим государственное направление жизни русским славянам, и между германским завоеванием, положившим начало европейской истории, существует (если мне позволено будет сделать это сравнение) то же отношение, как между оспою прививною и оспою натуральною. Последняя, действуя сильно на организм, производит в нем органический переворот и большею частью, даже при счастливом исходе, оставляет за собою на всю жизнь сохраняемые следы. Она проводит глубокие борозды по лицу, искажает его, уродует и нередко поражает зрение и

другие существенно важные органы. Оспа прививная, напротив того, имеет лишь одни благодетельные последствия натуральной, охраняет организм от будущей заразы, но не искажает, не уродует его. С другой стороны, однако же, и охранение, ею доставляемое на будущее время, не столь действительно, как то, которое дает оспа натуральная. Действуя слабее, прививная оспа, чтобы сохранить свою действительность, должна время от времени повторяться. Первобытная государственность России, лишенная помощи феодализма, или не могла бы сообщаться из Новгорода и Киева обширным странам, населенным славянскими и финскими народами, племенная воля которых находилась под охраною необозримого пространства лесов, болот и степей; или между обширными окраинами и небольшим ядром должно бы установиться отношение метрополии к колониям, род данничества, в котором исчезла бы равноправность всех частей России по отношению к правительственному центру. Этому недостатку пособила удельная система. Посредством ее, с одной стороны, распространилась государственность, с другой - каждой части сохранена была равноправность как особому самостоятельному княжеству.

Этот процесс можно уподобить так называемому физиологическому процессу проборождения, которым сообщается оплодотворяющая сила всему содержанию желтка. Взаимные отношения членов княжеского дома сохранили связь частей государства; но с умножением княжеского рода, с ослаблением связи между его членами в последовательности поколений, одного великокняжеского центра становилось недостаточно. Не только увеличивалось число княжений, но по мере этого увеличения образовывались и новые великокняжеские центры. Процесс этот не успел достигнуть своих последних пределов; но, продолжая его умственно, невольно приходишь к тому заключению, что он мог иметь только два исхода. Если бы государственный элемент, выразившийся князьями и их дружиною, получил полное преобладание, то удельной системе предстояло переродиться в настоящий феодализм, в крайнее разложение, пример которого представляет средневековая Германия, но без объединяющей власти императора и папы; народная свобода погибла бы под гнетом мелких тиранов. При преобладании же народного племенного начала, как это и было в России, самой государственности предстояла гибель через обращение князей в мелких племенных вождей, без всякой между собою связи; народная воля была бы спасена, но племена не слились бы в один народ под охраною одного государства. Во избежание этого был необходим новый прием государственности, и он был дан России нашествием татар.

Сверх призвания варягов, заменившего собою западное завоевание,- призвания, которое оказалось слишком слабым, дабы навсегда сообщить государственный характер русской жизни,- оказалась надобность в другой форме зависимости - в данничестве. Но и данничество это имело тот же слабый прививной характер, как и варяжское призвание. Когда читаем описания татарского нашествия, оно кажется нам ужасным, сокрушительным. Оно, без сомнения, и было таковым для огромного числа отдельных лиц, терявших от него жизнь, честь, имущество, но для целого народа как существа коллективного и татарское данничество должно почитаться очень легкою формою зависимости. Татарские набеги были тяжелы и опустошительны, но татарская власть

была легка сравнительно с примерами данничества, которые представляет нам история (например, сравнительно с данничеством греков и славян в Турции). Степень культуры, образ жизни оседлых русских славян и татарских кочевников были столь различны, что не только смешение между ними, но даже всякая власть последних над первыми не могла глубоко проникать, должна была держаться одной поверхности. Этому способствовал характер местности, который дозволил нашим завоевателям сохранить свой привычный и любезный образ жизни в степях задонских и заволжских.

Вся эта буря прошла бы даже, может быть, почти бесследно (как без постоянного вреда, так и без постоянной пользы), если бы гений зарождавшейся Москвы не умел приспособиться к обстоятельствам и извлечь всей выгоды из отношений между покорителями и покоренными. Видя невозможность противиться силе и сознавая необходимость предотвращать опустошительные набеги своевременной уплатою дани, покоренные должны были ввести более строгие формы народной зависимости по отношению к государству. Дань, подать составляет всегда для народа, не постигающего ее необходимости, эмблему наложенной на него зависимости, главную причину вражды его к государственной власти. Он противится ей, сколько может; нужна сила, чтобы принудить его к уплате. Чтобы оградить себя от излишних поборов, народ требует представительства в той или другой форме, ожидая, что, разделяя его интересы, она не разрешит никакого побора, который не оправдался бы самою существенною необходимостью. Московские князья имели ту выгоду на своей стороне, что вся ненавистная сторона мытарства падала на орду, - орда же составляла ту силу, которая одною угрозою заставляла народ платить дань. Москва являлась если не избавительницею, то облегчительницею той тягости, которую заставляло нести народ иноплеменное иго. Кроме самого понятия о государственной власти (коренящегося в духе славянских народов), в этом посредничестве московских князей, избавлявших народ от прямого отношения к татарам, кроется, без сомнения, то полное доверенности и любви чувство, которое русский народ сохраняет к своим государям. Таким образом, московские князья, а потом цари совместили в себе всю полноту власти, которую завоевание вручило татарам, оставив на долю этих последних то, что всякая власть заключает в себе тягостного для народа - особенно для народа, не привыкшего еще к гражданскому порядку и сохранившего все предания племенной воли. Московские государи, так сказать, играли роль матери семейства, которая хотя и настаивает на исполнении воли строгого отца, но вместе с тем избавляет от его гнева, и потому столько же пользуется авторитетом власти над своими детьми, сколько и нежною их любовью».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2109533032466916>

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

«Для нас, на глазах которых крепостное право было отменено и которые видели все неразлучное с ним зло, тягость, налагаемая им на народ, кажется чрезмерною, и трудно даже решиться назвать его легкою формою зависимости. Но все в мире сравнительно, а сравнивать надо только явления однородные, и если сопоставить наше крепостное право с европейским феодализмом, смягченный образчик которого мы можем видеть на латышах и эстах прибалтийских губерний, то, конечно, крепостная зависимость окажется легкою»

Н. Я. Данилевский

Представляют интерес рассуждения Н.Я. Данилевского о характере крепостного права в России. Показательно, что он рассматривает этот вопрос в 10-й главе работы «Россия и Европа» - в главе, где речь идет о сложных взаимоотношениях государства и народа. По мнению Данилевского, крепостное право само по себе является ужасной формой эксплуатации, однако его проявление в России может быть оценено как «менее тяжелое», нежели специфические формы европейского феодализма. В некоторых контекстах он даже характеризует его как «легкую форму зависимости». Обратимся к рассуждениям Данилевского:

«Что крепостное состояние есть форма феодализма... - в этом едва ли можно сомневаться, так как оно заключало все существенные его признаки: почти безграничная власть лиц привилегированного сословия над частью народа, под условием несения государственной службы. Хотя и не таково было начало крепостного права на Руси, но таков был характер его, когда оно достигло своего полного развития при Петре. Для нас, на глазах которых крепостное право было отменено и которые видели все неразлучное с ним зло, тягость, налагаемая им на народ, кажется чрезмерною, и трудно даже решиться назвать его легкою формою зависимости. Но все в мире сравнительно, а сравнивать надо только явления однородные, и если сопоставить наше крепостное право с европейским феодализмом, смягченный образчик которого мы можем видеть на латышах и эстах прибалтийских губерний, то, конечно, крепостная зависимость окажется легкою. Одноплеменность и единоверие господ с их крестьянами, а также свойственные русскому характеру мягкость и добродушие смягчали тягость крепостной зависимости во все периоды ее развития, но, кроме этого, каждый из периодов, в которых крепостное право имело особый характер, представлял и особые условия, смягчавшие его тягость. Первым периодом можно считать установление крепостных отношений до окончательного их утверждения введенною Петром ревизией. В это время свободный переход крестьян от помещика к помещику еще не прекратился на деле; кроме того, слабость государственной власти, смуты, занимавшие начало этого периода, были обстоятельствами, не допускавшими развития всей тягости крепостного права. С ревизии, установленной Петром, это изменилось: крестьяне были отданы в полную зависимость помещикам, на которых лежала обязанность безнедоимочной поставки рекрут и уплаты податей, но это, собственно, была тягость, налагаемая государством, а не личным произволом, который почти вовсе не имел возможности проявляться, так как и дворянство было так же точно записано в крепость государству и всю жизнь свою обязано было проводить на службе.

С грамоты о вольности дворянства начинается третий период крепостного права, в который оно, собственно, потеряло уже причину своего существования. В теории - обратилось оно в чистое злоупотребление, так как государство получило возможность платить своим слугам и содержать их иначе, нежели предоставляя им право на обязательный труд крестьян; на практике - тягость для крестьян также должна была значительно увеличиться после того, как дворяне получили право выходить в отставку и проживать в своих имениях. Но если мы обратим внимание на то, что тогда господствовало еще натуральное хозяйство, что помещики по большей части довольствовались произведениями своего имения, имели большие запасы хлеба (которым за неимением сбыта кормили многочисленную дворню), большие запасы овса (которым кормили лошадей своих соседей, наезжавших к ним гостить по целым неделям), курили свое вино, настаивали его на ягодах из своих садов и лесов, подслащивали эти наливки медом из своих пасек и вообще довольствовались произведениями своего имения, не имея ни возможности, ни потребности выручать с него много денег и покупать на них разные удобства жизни, то увидим, что помещикам не было никакого резона слишком отягощать своих крестьян работою. Дворяне терпели от личного произвола, от вспышек гнева, от жестокости характера или распутства иного помещика, но и это было исключением, а главное - не распространялось на массу крестьянского сословия. Часто даже жестокие владельцы, невыносимые тираны своей дворни, были очень хорошими помещиками для крестьян (как, например, Куролесов в "Семейной хронике" С. Т. Аксакова), чему каждый отыщет в своей памяти не один пример.

Последний и самый тяжелый период крепостного права наступил с того времени, как понятия о роскоши и европейском комфорте проникли из столиц в губернии и уезды, а развивающаяся промышленность и торговля заменили натуральное хозяйство денежным. Для всякого продукта непосредственного потребления скоро достигается предел, далее которого в нем не чувствует уже надобности самый расточительный человек; для денег же предела насыщения не существует. Поэтому, несмотря на общее смягчение нравов, на уменьшение примеров дикого произвола, на многие законы, стеснявшие произвол помещиков над подвластными им людьми, самое последнее время существования крепостного права едва ли не было самым тяжелым, как это, впрочем, совершенно основательно указано в самом манифесте, которым объявлялось прекращение крепостной зависимости в России. Потому, кажется мне, я имел право сказать, что и крепостное право - эта русская форма феодализма (точно так же, как призвание варягов - русская форма завоевания, как владычество татар - русская форма данничества), употребленная московскими государями для политической централизации Руси, - имело сравнительно легкий характер.

Исчезло наконец и крепостное право - эти последние подмости, употребленные при постройке нашей государственности. Русский народ перешел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим, общим целям, - и цели эти достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основе; и, однако же, в течение этого тысячелетнего процесса племенной эгоизм не заменился сословным,

русский народ, не утратив своих нравственных достоинств, не утратил и вещественной основы для дальнейшего своего развития, ибо сохранил владение землею в несравненно большей степени, нежели какой бы то ни было европейский народ. И не только сохранил он это владение, но и обеспечил его себе на долгие веки общинною формою землевладения. Он вполне приготовлен к принятию гражданской свободы взамен племенной воли, которой (как всякий исторический народ) он должен был лишиться во время своего государственного роста. Доза свободы, которую он может вынести, с одной стороны, - больше, чем для всякого другого народа, потому что, обладая землею, он одарен в высшей степени консервативными инстинктами, так как его собственное положение не находится в противоречии с его политической будущностью; с другой же стороны, сами политические требования, или, лучше сказать, надежды, его в высшей степени умеренны, так как, за отсутствием (в течение всей его жизни) внутренней междоусобной исторической борьбы между различными слоями русского общества, он не видит во власти врага (против которого чувство самосохранения заставляло бы его принимать всевозможные средства предосторожности), а относится к ней с полнейшею доверенностью».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2113651775388375>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА I

«Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее»

Н. Я. Данилевский

Представляют интерес размышления Н.Я. Данилевского о европеизации России. По его мнению, к концу XVII в. назрела необходимость реформ, однако тот вид, который им был придан Петром I, надолго внес двойственность в русскую жизнь. Следствием реформ стало то, что Данилевский называет «европейничаньем». Он выделяет три типа этого феномена: искажение народного быта и замена его чуждыми формами; заимствование иностранных институтов; взгляд на вопросы внутренней и внешней жизни России как бы «с европейской позиции». Обратимся к рассуждениям Данилевского:

«Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже сознавал, - любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни - самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами. Если бы он не ненавидел ее со всей страстностью своей души, то обходился бы с нею осторожнее, бережнее, любовнее. Потому в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т. е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства. Как ни тяжелы были для современников его рекрутские наборы (которыми он не только пополнял свои войска, но строил города и заселял страны), введенная им безжалостная финансовая система, монополии, усиление крепостного права, одним словом, запряжение всего народа в государственное тягло, - всем этим заслужил он себе имя Великого - имя основателя русского государственного величия.

Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употреблять огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большею пользою. К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставлять курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутство должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный этикет, менять летосчисление, стеснять свободу духовенства? К чему ставить иностранные формы жизни на первое, почетное, место и тем накладывать на все русское печать низкого и подлого, как говорилось в то время? Неужели это могло укрепить народное сознание? Конечно, одних государственных нововведений (в тесном смысле этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что всему дает крепость и силу, т. е. просвещение; но что же имели общего с истинным просвещением

все эти искажения народного облика и характера? Просвещение к тому же не насаждается по произволу, как меняется форма одежды или вводится то или другое административное устройство. Его следовало не насаждать извне, а развивать изнутри. Ход его был бы медленнее, но зато вернее и плодотворнее.

Как бы то ни было, русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества, на которые действие правительства сильнее и прямее и которые вообще везде и всегда податливее на разные соблазны. На мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вишь и вглубь, т. е. расходиться от высших классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и с наружности - проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародовающей реформе. После Петра наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одною лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности ко всему русскому...

Болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, все расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется мне, назвать европейничаньем; и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего славянства, заключается в том, будет ли эта болезнь иметь такой доброкачественный характер, которым

отличались и внесение государственности иноплемениками русским славянам, и татарское данничество, и русская форма феодализма; окажется ли эта болезнь прививною, которая, подвергнув организм благодетельному перевороту, излечится, не оставив за собою вредных неизгладимых следов, подтачивающих самую основу народной жизненности. Сначала рассмотрим симптомы этой болезни, по крайней мере, главнейшие из них, а потом уже оглянемся кругом, чтобы посмотреть - не приготовлено ли и для нее лекарства, не положена ли уже секира у корня ее.

Все формы европейничанья, которыми так богата русская жизнь, могут быть подведены под следующие три разряда:

1. Искажение народного быта и замен форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замен, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества - и не проникать все глубже и глубже.
2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву - с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.
3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклона, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2115022278584658>

ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ

«Если в нигилизме есть что-нибудь русское, то это его карикатурность. Но это свойство разделяет он и с русским аристократизмом, и с русским демократизмом, и с русским конституционализмом, одним словом - со всяким русским европейничаньем»

Н. Я. Данилевский

Одним из примеров «европейничанья» в интеллектуальной сфере Н.Я. Данилевский считает нигилизм, который, по его мнению, является ярчайшим выражением «лжедемократизма». Данилевский отмечает, что нигилизм не должен мыслиться как явление, выросшее исключительно на русской почве, поскольку русская составляющая в нем — это лишь его карикатурность. Вообще значительная часть интеллектуальной жизни послепетровского периода, полагает Данилевский, является не чем иным, как европейничаньем. Обратимся к его рассуждениям:

«Если нерусское происхождение лжеаристократизма очевидно и никем не оспаривается, то зато нашему лжедемократизму или полнейшему проявлению его, известному под именем нигилизма, хотя бы то ни стало приписать русское доморощенное происхождение. Когда наши европейские друзья твердят на все лады, что русское общество и русский народ разъедены самого пагубного свойства социалистическими, материалистическими, демократическими учениями, когда, по их словам, русский демократизм угрожает благосостоянию Европы, так как прежде угрожал ей русский абсолютизм, то этому удивляться нечего, это в порядке вещей - а la guerre comme a la guerre. Но вот что удивительно: каким образом газета, подобная "Московским Ведомостям" (обыкновенно столь здраво смотрящая на вещи), под влиянием справедливого, впрочем, недовольства нашею системою общественного образования - обращает нигилизм в произведение русской почвы? Это решительно непонятно. Нигилизм - не более не менее как одна из форм нашего европейничанья, и как ни плохи наши гимназии и наши университеты - не они, однако же, произвели эту язву, и как ни полезна, может быть, классическая система учения - не она излечит нас от этой язвы.

Что такое нигилизм? Нигилизм есть последовательный материализм, и больше ничего. Материализм несколько раз уже получал большое распространение в европейском обществе: в XVII веке господствовал он в Англии, в XVIII - во Франции, откуда распространился между высшими классами прочих государств и даже России. Реакцией против этого материализма был германский идеализм, который теперь, в свою очередь, под совокупным влиянием протестантизма (отвергающего всякое положительное религиозное содержание христианства), гегелизма (доведенного до своего крайнего последовательного развития) и, наконец, успехов положительных наук дошел до полнейшего материализма и атеизма. Между тем для жившей задним умом официальной России все еще Франция, по старой памяти, казалась олицетворением всех антисоциальных, антирелигиозных, противонравственных учений; а скромная, глубокомысленная Германия олицетворяла собою противодействующий этим зловердным направлениям спасительный идеализм. И вот нашей системе общественного воспитания был придан исключительно немецкий характер. Не так еще давно молодым людям, отправлявшимся за границу, строго возбранялся въезд во Францию как в страну нравственно-зачумленную, тогда как зараза давно уже оставила французскую почву и перешла в Германию.

Без самобытного развития, привыкли верить на слово нашим иностранным учителям и в последнее время будучи обучаемы исключительно немецкою наукою, мы заразились самоновейшим и самомоднейшим ее направлением, которое не встречало ни внутреннего, ни внешнего противодействия. К какой нации принадлежит Фохт, Молишотт, Фейербах, Бруно Бауер, Бюхнер, Макс Штирнер - эти корифеи новейшего материализма? Разве они русские или воспитанники русских гимназий, сделавшиеся нигилистами от недостаточно глубокого изучения латинских и греческих классиков? Разве русского происхождения и те учения, которые хотя и не могут быть названы чисто материалистическими, но которые, однако же, служат необходимыми подпорами материализма, как то: Дарвиново учение о происхождении видов, Гуклеевы выводы о близости человека к обезьянам, Боклево отвержение человеческой свободы на основании добытых статистикою результатов? Что привнесли русские в эту сокровищницу материалистических учений? Ничего. Самое имя нигилизма, хотя получило, по-видимому, на Руси свое происхождение, очевидно, основано на книге Макса Штирнера "Ich stelle mein Sach auf nichts", с филистерским цинизмом посвященной "meinem lieben Julchen".

Мы и тут повторяли, как попугаи, чужие слова и мысли, как наши деды повторяли учения энциклопедистов, а отчасти учения мистиков, как наши отцы - учения германского трансцендентального идеализма. Если эти учения, получавшие некоторое распространение в русском обществе в былые времена, не могут считаться явлениями русской жизни, то почему же приписывается это нигилизму, имеющему столь же очевидное иноземное происхождение? Или, может быть, со свойственной подражателям склонностью преувеличения, мы утрировали заимствованное нами учение? К счастью или к несчастью, наши учителя не оставили нам даже и этой возможности отличиться. Когда утверждают, что человек есть прямой потомок гориллы или орангутанга, что мысль есть такое же отделение мозга, как урина - отделение почек, что считать что-либо священным - столь же нелепый обычай, как табу островитян Полинезии, то остается ли еще какая-нибудь возможность к утрировке?

Со всем тем, однако, если в нигилизме есть что-нибудь русское, то это его карикатурность. Но это свойство разделяет он и с русским аристократизмом, и с русским демократизмом, и с русским конституционализмом, одним словом - со всяким русским европейничаньем. Как бы ни были грубы, как бы ни были дики учения, но ежели они (как новейшие материализм, коммунизм, или цезаризм) представляются результатом долговременного развития, попавшего на ложную дорогу, или следствием непримиримых противоречий, дошедших до взаимного отрицания различных сторон жизни, то эти учения и эти общественные явления - плод отчаяния целых поколений - имеют величавый трагический характер. Когда же эти самые учения не вызваны внутреннею жизнью общества и не более как сбоку припека, то эта трагическая величавость заменяется карикатурностью и уродливостью. Каким же образом понять после этого странные оправдания проживания за границею для образования детей в иностранных школах, во избежание язвы нигилизма, когда из этих-то именно школ и произошел чистокровный нигилизм, по отношению к которому наш нигилизм составляет лишь слабый сколок и бледный отпечаток?

Но и нигилизм, и аристократизм, и демократизм, и конституционализм составляют только весьма частные проявления нашего европейничанья; самый общий

вид его, по-видимому менее зловерный, в сущности же гораздо опаснейший их всех, есть наше балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьей, перед решением которого трепещем, милость которого заискиваем. Такое отношение к иностранному общественному мнению, даже если бы оно не было радикально-враждебно всему русскому, не может не лишить нас всякой свободы мысли, всякой самостоятельности. Мы уподобляемся тем франтам, которые, любя посещать общество, не имеют уверенности в светскости своих манер. Постоянно находясь под гнетом заботы, чтобы их позы, жесты, движения, походка, костюм, взгляды, разговоры отличались бонтонностью и коммифотностью, - они, даже будучи ловки и неглупы от природы, ничего не могут сделать кроме неловкостей, ничего сказать - кроме глупостей. Не то же ли самое и с нашими общественными деятелями, беспрестанно оглядывающимися и прислушивающимися к тому, что скажет Европа; признает ли действия их достойными просвещенного европеизма? Фамусов, ввиду бесчестия своей дочери, восклицает: что скажет княгиня Марья Алексеевна! - и этим обнаруживает всю глубину своего нравственного ничтожества. Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2116656995087853>

Ислам

«Общая идея, существенный смысл магометанства заключается в той невольной и бессознательной услуге, которую оно оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством в то время, когда прямые и естественные защитники их лежали на одре дряхлости или в пеленках детства»

Н. Я. Данилевский

Представляют интерес взгляды Н.Я. Данилевского на роль ислама во всемирной истории (он именует его «магометанством»). По мнению Данилевского, в религиозном плане ислам не может считаться шагом вперед в сравнении с христианством; как раз напротив, он выражает шаг назад, поскольку возвращается к вероисповеданию законнического типа. Данилевский также возражает против точки зрения о том, что ислам является религиозной формой, особенно подходящей арабам, и в этом его ценность. Сходным образом он опровергает ряд других аргументов в пользу религиозной значимости ислама. В итоге Данилевский утверждает, что значимость ислама кроется не в его особом вероучении или культе, а в мобилизационном потенциале, которым он наделил народы и который позволил дать отпор распространению романо-германской цивилизации на Восток. Тем самым, полагает Данилевский, народы, принявшие ислам, неосознанно внесли свой вклад в защиту православия и славянства, и именно в этом состоит глубокий исторический смысл указанной религии. Обратимся к его рассуждениям из книги «Россия и Европа»:

«Здесь встречаемся мы с загадочным явлением магометанства. Оно совершило уже теперь весь цикл своего развития и, без всякого сомнения, находится уже в периоде совершенного изнеможения и разложения. Смысл его, общая его идея, как явления совершенно уже законченного, от которого ничего нового уже ожидать нельзя, должны быть, следовательно, совершенно понятны. С общей идеей, с смыслом исторического факта, я не соединяю никакого мистического представления, а разумею под этим именем только тот самый общий результат, в котором сосредоточивается наисущественнейшее содержание факта,- точно так же, как под общею идеей целого ряда естественных явлений разумеется тот закон природы, который все их в себе содержит.

Заключается ли этот общий смысл магометанства в том религиозном прогрессе, который оно заставило сделать человечество? Но оно явилось шесть веков спустя после того, как абсолютная и вселенская религиозная истина была уже открыта. Какой же смысл могло иметь мусульманское учение после христианства? Некоторые утверждают, что оно составляет форму религиозного сознания, хотя и уступающую высотой своего учения христианству, но зато лучше применимую к одаренным пылкими страстями народам Востока. Не останавливаясь на том, что такое понятие несообразно с достоинством христианства (которое - или такое же заблуждение, как и прочие верования человечества, или имеет характер истины вселенской, применимой ко всем векам и ко всем народам), мы видим, что такому взгляду противоречит история. Христианство получило свое начало на том же самом Востоке, по которому разлилось учение Магометово, и на нем распространилось с величайшим успехом. Сирия, Малая Азия, Египет, Африка произвели величайших мыслителей и величайших подвижников христианства... Каким же образом страны, где достигло христианство такого

распространения и такого процветания, могли чувствовать потребность в учении, менее высоком, более потакавшем чувственным стремлениям человеческой природы? Главным поприщем жизни и деятельности магометанства были не страны, населенные язычниками, для грубости которых учение Христово было бы слишком высоко, а, напротив того, страны, давно уже просвещенные этим учением, воспринявшие его и принешие плоды, никак не менее обильные и не менее совершенные, чем страны, лежащие под более суровым небом или в более умеренном климате.

Не основательнее и то мнение, которое видит в магометанстве учение, более простое для понимания и более легкое для исполнения и поэтому долженствующее будто бы служить подготовительною ступенью для воспринятия христианства. Факты говорят совершенно противное. Народы, принявшие ислам, закосневают в нем, и между тем как пред силою христианского убеждения пало язычество Греции и Рима, мало-помалу начинало расшатываться огнепоклонничество персов; между тем как христианством было побеждено грубое язычество германских и славянских народов и теперь беспрестанно побеждается еще более грубое язычество дикарей Азии, Африки, Америки и Австралии; между тем как христианство находило себе многочисленных последователей в Китае и Японии, - магометанство нигде не поддается влиянию христианства. Оно составляет, следовательно, препятствие к его распространению, а не подготовку к его принятию. Итак, с точки зрения религиозной учение арабского пророка есть очевидный шаг назад - необъяснимая историческая аномалия.

Выкупается ли она богатыми проявлениями других сторон человеческой цивилизации? И на это придется отвечать отрицательно. Один из народов, принявших ислам, первоначальный распространитель его, отличался, правда, любовью к науке и просвещению. Но что же, однако, произвел он? Он сохранил в переводе, большею частью искаженном, некоторые творения греческих философов и ученых, но они гораздо лучше и полнее сохранились бы, если бы страны, отвоеванные арабами, продолжали составлять часть Греческой империи. Арабы сообщили также Европе некоторые открытия и изобретения Китая и Индии, но и в этом отношении заслуга их имеет совершенно отрицательный характер. Заняв промежуточные страны, сделав их недоступными европейцам, они составили преграду не столь непреодолимую, завесу не столь непроницаемую, как, вероятно, сделали бы это племена монгольские или татарские. Но ежели бы эти страны, отделяющие Запад от Крайнего Востока, хранившие плоды древнейшей культуры, продолжали быть седалищем христианства и греческой образованности, хотя и склонявшейся уже к своему упадку, - не сделала ли бы, по всем вероятностям, того же самого торговая предприимчивость Венеции, Генуи и других итальянских республик?

Что касается искусства, то религия Магомета была прямо ему враждебна. Только в архитектуре представили магометанские народы изящные образцы. Но неужели мечети Каира и Дамаска, узорчатые мраморы Альгамбры заключают в себе истинный смысл и значение магометанского движения, выкупают собой реки пролитой им крови, груды пепла, развалин и вековое варварство, которыми оно ознаменовалось?

Удовлетворился ли бы наш ум, если бы результаты наплыва варваров на образованные страны греко-римского мира ограничивались готическими соборами, зубчатыми стенами и башнями средневековых замков?

Сколько бы мы ни искали, мы не отыщем оправдания магометанства во внутренних, культурных результатах сообщенного им движения. С этой точки зрения оно всегда будет представляться загадочным, непонятым шагом истории. Не находя, таким образом, оправдания этому историческому явлению в его положительных, самостоятельных результатах, приходится отыскивать его во внешних, служебных отношениях к чужим, посторонним целям. И действительно, мы видим, что общий существеннейший результат всей истории магометанства состоит в отпоре, данном им стремлению германо-романского мира на Восток, - стремлению, которое еще до сих пор живо в народах Европы и которое составляет необходимую принадлежность той экспансивной силы, того естественного честолюбия, которым бывает одарен всякий живущий культурно-исторический тип, необходимо стремящийся наложить печать свою на все его окружающее. Это честолюбие привело греков на берега Инда и на устье Днепра, Дона и Кубани. Оно вело и римские орлы на берега Атлантического океана и в месопотамскую равнину, в леса Германии и нумидийские степи.

Общая идея, существенный смысл магометанства заключается, следовательно, в той невольной и бессознательной услуге, которую оно оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством в то время, когда прямые и естественные защитники их лежали на одре дряхлости или в пленках детства. Совершило оно это, конечно, бессознательно, но тем не менее совершило - и тем сохранило зародыш новой жизни, нового типа развития, сохранило еще одну черту разнообразия в общей жизни человечества, которым, казалось, предстояло быть задавленными и заглушенными могучим ростом романо-германской Европы. Эту мысль, собственно, относительно православия выразил (в начале греческого восстания) константинопольский патриарх Анфимий: "Провидение избрало владычество османов для замещения поколебавшейся в православии Византийской империи (собственно, надо бы сказать императорства) как защиту против западной ереси"».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2117826738304212>

ВОПРОС ОБ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ С ЕВРОПОЙ

«Удел России - удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле..., а освобождать и восстанавливать»

Н. Я. Данилевский

Представляют интерес рассуждения Н.Я. Данилевского об идее интеграции России и Европы. По мнению Данилевского, ни культурно-исторически, ни генетически Россия не является частью Европы. Поэтому ее интеграция с Европой может быть только искусственной и исторически неадекватной. Обратимся к представленному Данилевским анализу роли России в европейской политике:

«С общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составною частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению; что ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения - быть ничем. Не мудрено усмотреть, что это вполне применяется и к политической сфере в тесном смысле этого слова. Можно ли быть и оставаться членом союза или общества, во всех отношениях нам враждебного, терпящего нас единственно ради извлечения из нас выгод без соответственного вознаграждения. Союз, общество - одним словом, всякая связь лиц, народов и государств,- возможны только при взаимности, обоюдности услуг и выгод; когда же первые требуются только от одной стороны, а вторые достаются только другой, то такие отношения нельзя назвать другим именем, как эксплуатацией слабого, глупого или доверчивого сильным, умным, лукавым, или попросту - одурачиваньем. Если вникнем в роль, которую Россия играла в обществе европейских государств, в так называемой политической системе Европы, с самого того времени, как стала деятельным членом ее, то едва ли найдем другие выражения для характеристики этой роли.

Под вступлением России в европейскую политическую систему можно, конечно, понимать не иное что, как усвоение себе ею европейских интересов, принятие живого участия в тех партиях, на которые Европа разделяется, содействие - не только нравственным, но и материальным влиянием - той партии, которой она сочувствует, и такое же противодействие той, к которой относится враждебно. Простой же союз с тем или другим государством для достижения своих собственных выгод, для какой-нибудь временной общей цели не может еще считаться вступлением в систему той политической группы, к которой принадлежат эти случайные, временные союзники...

Россия вступила в европейскую политическую систему не ранее кануна XIX столетия,- именно суворовскою Итальянскою войною, ибо это была первая война, веденная нами из-за чуждых нам европейских интересов, в которых с этих пор мы и не переставали принимать участие, как в наших собственных, даже гораздо более, чем в наших собственных, почти постоянно жертвуя этими последними первым. Какую же пользу, спрашивается, извлекли мы из этого? Какая война, которую мы вели в качестве члена европейской системы, какой союз, какой мирный договор, который мы заключили в качестве европейской державы, принесли нам действительные выгоды? Мало того: в какой войне из веденных нами с специально русскими целями, в каком трактате или вообще в каком политическом отношении наши тесные отношения к Европе не служили препятствием, путами, связывающими наши действия? Лучшим примером в этом

отношении может служить знаменитый Священный союз. Каких жертв не приносила Россия для его целей! Испанские и итальянские волнения двадцатых годов заставляли ее, нуждавшуюся в отдыхе после напряжений наполеоновских войн, содержать многочисленную армию; восставшая Греция была предоставлена своей собственной судьбе; Краков был отдан Австрии; Венгрия усмирена. Но, когда пришло время Священному союзу принести нам пользу против союза западных держав, когда от наших союзников требовалось не помощи, а только строгого, беспристрастного нейтралитета, Австрия перешла на сторону наших врагов, и союз рушился. - И потом не наше ли влияние оказало неоцененную услугу Франции, воздержав Германию от вмешательства в итальянскую войну; не Россия ли своим дружелюбным вмешательством предотвратила войну, готовую вспыхнуть из-за люксембургского вопроса? Пусть нам укажут хоть на одно подобное действие европейских держав на пользу России. Чего ни делала Россия для Германии и для Австрии, как ни бескорыстничала, - а все же слыла за льва, рыкающего, ищущего, кого поглотить.

Новейшие события, начиная с Восточной войны и оканчивая войною Пруссии с Австрией, показали ясно, что нам не на кого опереться в Европе и что даже опоры этой нельзя купить никакими жертвами. Служа чужим целям, Россия могла казаться как бы настоящею главою Германии, но и это обольщение исчезло. Германия получила настоящую главу, имеющую на то все права, и мы остались одни не на деле только - так было уже давно, но и в самом нашем представлении о политическом порядке вещей. И оно должно быть так.

Эксплуатируя Россию, не принимая ее в настоящее, действительное общение с собою, Европа, с своей точки зрения, вполне права. Не принадлежа, в сущности, к Европе, Россия самыми размерами своими составляет уже аномалию в германо-романско-европейском мире; и одно естественное увеличение роста ее народонаселения должно все более и более усиливать эту аномалию. Одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия. Ни одно государство не может отважиться воевать с Россией один на один, как это всего лучше доказывается Восточною войною, когда четыре государства, при помощи еще Австрии, более чем наполовину принявшей враждебное отношение к России, при самых невыгодных для нас, при самых выгодных для себя условиях, должны были употребить целый год на осаду одной приморской крепости, - и это не вследствие присутствия на русской стороне какого-нибудь Фридриха, Суворова или Наполеона, а просто вследствие громадных средств России и несокрушимости духа ее защитников.

Нельзя не сознаться, что Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одною из великих европейских держав; и если она могла занимать эту роль вот уже семьдесят лет, то не иначе как скорчиваясь, съеживаясь, не давая простора своим естественным стремлениям, отклоняясь от совершения своих судеб. И это умаление себя должно идти все в возрастающей прогрессии по мере естественного развития сил,

так как по самой сущности дела экспансивная сила России гораздо больше, чем у государств Европы, и несоразмерность ее с требованиями политики равновесия должна необходимо выказываться все в сильнейшем и сильнейшем свете. Говоря это, я, конечно, рассматриваю вопрос с общей точки зрения, а не в применении к какому-либо частному случаю, когда, по стечению разных обстоятельств, и слабый противник может одержать верх над гораздо сильнейшим. Всякие рассуждения подобного рода предполагают непременно ограничительное условие, выражаемое общепринятою формулой: "при всех прочих равных условиях".

Однако же при соседстве с Европою, при граничной линии, соприкасающейся с Европой на тысячи верст, совершенная отдельность России от Европы немыслима; такой отдельности не могли сохранить даже Китай и Япония, отделенные от Европы диаметром земного шара. В какие-нибудь определенные отношения к ней должна же она стать. Если она не может и не должна быть в интимной, родственной связи с Европой как член европейского семейства, в которое, по свидетельству долговременного опыта, ее и не принимают даже, требуя невозможного отречения от ее очевиднейших прав, здравых интересов, естественных симпатий и священных обязанностей; если, с другой стороны, она не хочет стать в положение подчиненности к Европе, перестроясь сообразно ее желаниям, выполнив все эти унижительные требования,- ей ничего не остается, как войти в свою настоящую, этнографическими и историческими условиями предназначенную роль и служить противувесом не тому или другому европейскому государству, а Европе вообще, в ее целостности и общности.

Но для этого, как ни велика и ни могущественна Россия, она все еще слишком слаба. Ей необходимо уменьшить силы враждебной стороны, выделив из числа врагов тех, которые могут быть ее врагами только поневоле, и переведя их на свою сторону как друзей. Удел России - удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: Македонии, Риму, арабам, монголам, государствам германо-романского мира,- а освободить и восстанавливать; и в этом дивном, едва ли не единственном совпадении нравственных побуждений и обязанностей с политической выгодой и необходимостью нельзя не видеть залога исполнения ее великих судеб, если только мир наш не жалкое сцепление случайностей, а отражение высшего разума, правды и благодати».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2119538274799725>

РОССИЯ И СВОБОДА

«Едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею»

Н. Я. Данилевский

Рассуждая о способности русского народа к свободе, Н.Я. Данилевский высказывает мнение о том, что все злоупотребления свободой в русской истории — в особенности, бунты — были вызваны объективными и чисто внешними причинами недовольства. По его мнению, со второй половины XIX все такие причины устранены и в будущем революция в России просто-напросто невозможна. Приводим его рассуждения на этот счет:

«Итак, способен ли русский народ к свободе? Едва ли надо упоминать, что наши доброжелатели дают на это отрицательный ответ: одни - считая рабство естественною стихией русских, другие - опасаясь или представляясь опасаящимися, что свобода в руках их должна повести ко всякого рода излишества и злоупотреблениям. Но на основании фактов русской истории и знакомства с воззрениями и свойствами русского народа можно составить себе только диаметрально противоположное этому взгляду мнение: именно, что едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею.

Это основывается на следующих свойствах, присущих русскому человеку: на его умении и привычке повиноваться, на его уважении и доверенности к власти, на отсутствии в нем властолюбия и на его отвращении вмешиваться в то, в чем он считает себя некомпетентным; а если вникнуть в причины всех политических смут у разных народов, то корнем их окажется не собственно стремление к свободе, а именно властолюбие и тщеславная страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий. Как крупные события русской истории, так и ежедневные события русской жизни одинаково подтверждают эти черты русского народного характера.

В самом деле, взгляните на выборные должности во всех наших сословиях, в особенности в купечестве, мещанстве и крестьянстве. Эти должности, доставляющие власть и почет, считаются не правами, а обязанностями или, лучше сказать, общественными повинностями, и исключение составляет разве одна должность предводителя, дающая почет, а не власть.

Если ищут мест мировых судей, членов и председателей земских управ, то главным образом из-за доставляемого ими жалованья, довольно значительного по деревенской, уездной и даже губернской жизни. Это все равно что государственная служба с хорошим жалованьем, дающая притом возможность не оставлять своих хозяйственных дел. Любопытно было бы посмотреть, если бы только в таких делах дозволительно было делать опыты, как стали бы у нас процветать земство и мировой институт, если бы наполнить их по теориям "Вести" безвозмездными деятелями так называемой аристократии?

Эти черты русского народного характера, во всяком случае, показывают, что власть имеет для нас мало привлекательности, и, хотя многие считают это за какой-то недостаток, мы не можем видеть ничего дурного в том, что наши общественные деятели хотят, чтобы труд их на общую пользу был материально вознагражден, так

как совершенно безвозмездным он ведь никогда не бывает, ибо удовлетворение властолюбия, тщеславия, гордости - такая же мзда.

Те же выше перечисленные свойства русского народа составляют внутреннюю причину того, что Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословием или всею массою граждан, изгнание законно царствующей династии и замещение ее другою.

Все смуты, которые представляет русская история, могущие по своей силе и внешнему виду считаться народными мятежами, всегда имели совершенно особый - не политический, в строгом значении этого слова, характер. Причинами их были: сомнение в законности царствовавшего лица, недовольство крепостным состоянием, угнетавшим на практике народ всегда в сильнейшей

степени, чем это имел в виду закон, и, наконец, те элементы своеволия и буйства, которые необходимым образом развивались на окраинах России, в непрестанной борьбе казачества с татарами и другими кочевниками. Эти три элемента принимали совместное участие в трех главных народных смутах, волновавших Россию в XVII и XVIII столетиях, так что каждый из них играл попеременно преобладающую роль.

В смутах междоусобицы главным двигателем было самозванство, но при значительном участии недовольства только что вводившимся прикреплением крестьян к земле и казацкой вольнице.

Бунт Стеньки Разина был, главнейшим образом, произведением этой вольницы, начинавшей опасаться, что вводимые более строгие государственные порядки ограничат ее своеволие. Но так разрастись могли эти смуты опять-таки только при недовольстве крестьян на закрепощение их, а легальными поводами опять-таки старались придать всем этим беспорядкам характер законности в глазах народа.

Наконец, главная сила Пугачевского бунта заключалась именно в возмущении крепостных людей, для которых бунт малочисленного яицкого казачества служил, так сказать, лишь первою искрою, зажегшею пожар. Участие приуральских кочевников усилило и этот бунт, а имя Петра III должно было доставить ему законность в глазах народа, который всегда чувствовал свою солидарность с верховною властью и от нее чаял исполнения своих заветных и справедливых желаний.

С обеспечением правильности и законности в престолонаследии, с введением гражданственности и порядка в казачестве и, наконец, с освобождением крестьян иссякли все причины, волновавшие в прежнее время народ, и всякая, не скажу, революция, но даже простой бунт, превосходящий размер прискорбного недоразумения, сделался невозможным в России, пока не изменится нравственный характер русского народа, его мировоззрение и весь склад его мысли; а такие изменения (если и считать их вообще возможными), совершаются не иначе как столетиями и, следовательно, совершенно выходят из круга человеческой предусмотрительности».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2125091787577707>

РЕЦЕПЦИЯ. Ч.1.

«Славянский культурный тип представил уже достаточно задатков художественного, а в меньшей степени и научного развития, по которым мы можем, во всяком случае, заключить о его способности достигнуть и в этом отношении значительной степени развития, и что только относительная молодость племени, устремление всех сил его на другие, более насущные стороны деятельности, которые их поглощали, не дали славянам возможности приобрести до сих пор культурного значения в тесном смысле этого слова»

Н. Я. Данилевский

Рецепция работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» подробно рассмотрена в монографии Б.П. Балуева «Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга 'Россия и Европа'». Как отмечает автор, журнальный вариант книги и ее первое издание прошли почти незамеченными. Приводим представленный автором анализ ранних либерально-западнических рецензий:

«К сожалению, мы должны констатировать, что лишь немногие из современников оценили книгу по достоинству. Ее журнальный вариант, да и первое отдельное издание прошли почти незамеченными. В 1869 году, когда книга печаталась в журнале «Заря», на нее были лишь небольшие отклики в общих журнальных обзорах некоторых либеральных газет, придерживавшиеся откровенно прозападнической ориентации. Естественно, эти газеты не замедлили высказать свое несогласие по поводу мыслей Н. Я. Данилевского о «европейской цивилизации», ибо видели будущее России только в полном приобщении к ней. И это весьма характерно для полемики вокруг книги «Россия и Европа», которая постепенно нарастала, - в ходе ее шло столкновение различных точек зрения на судьбу России, различных концепций ее развития. Поэтому, несмотря на немногочисленность участников этой полемики, она имела немалое значение в развитии русской историософской мысли, тем более что среди этих немногочисленных участников спора были самые выдающиеся русские мыслители.

Высокого теоретического уровня обсуждение книги Н.Я. Данилевского достигло не сразу. Нападки либеральной прессы откровенно западнической ориентации отличались циничным пренебрежением к высказанным в книге новым взглядам на историю, их окарикатуриванием и искажением. Так, анонимный автор обзора апрельского номера журнала «Заря» укрывшийся за псевдонимом «Z» (согласно словарю М. Н. Масанова, в Санкт-Петербургских ведомостях в эти годы под таким псевдонимом печатался В. П. Буренин), в газете Санкт-Петербургские ведомости (14 мая 1869 г.) свел все теоретическое содержание книги «Россия и Европа» к попытке ее автора доказать, что Россия - не Европа, что она должна идти своим путем, если не хочет погибнуть «яко червь», к сравнению «человеческой жизни с жизнью целых обществ, в которых происходит то же самое, но несколько непонятным образом». Написанная в ерническом стиле, языком мелкого газетного фельетониста, такая рецензия, тем не менее, могла, конечно, какую-то часть публики ввести в заблуждение относительно истинного содержания книги Данилевского.

Аналогичную позицию по отношению к публиковавшейся книге Данилевского занял автор «литературных записок» в журнале «Русский вестник» (позднее журнал эту позицию изменил), укрывшийся под инициалами «п. щ.» (Пётр Карлович Щебальский,

историк). В нескольких словах и весьма неточно изложив теорию культурно-исторических типов Данилевского, представив автора «России и Европы» изоляционистом, он категорически высказался за торжество единой, общечеловеческой культуры, распространяемой Западом. «Ныне культура одна для всех, - заявлял автор в пику Данилевскому, - это та, которая с Востока перешла в Грецию и оттуда разлилась по всей почти Европе и Америке, обещая проникнуть во все части света и во все концы мира ... в основаниях своих единая и общая».

Никаких даже попыток проанализировать содержание взглядов Н. Я. Данилевского эти авторы в своих беглых обзорах и заметках не предпринимали. Они очень кратко, в одном-двух тезисах в искаженном виде, удобном для опровержения, преподносили эти взгляды, безапелляционно их объявляли неверными и столь же решительно провозглашали известные западнические теории как единственную и неопровержимую истину. Отвечая «п. щ.», редакция «Зари» в связи с этим имела все основания утверждать, что доказательства Данилевского в пользу культурно-исторических типов «совершенно ускользнули от внимания критика». что в конце своей заметки «г. П. Щ. сбился на старую песню о преимуществах культуры и поет ее так, как будто он никогда и в глаза не видел статьи г. Данилевского».

Более основательно пытался аргументировать свою критику книги Н. Я. Данилевского (когда она уже вышла отдельным изданием) известный представитель либерально-западнического направления, экономист и публицист В. П. Безобразов, послуживший для М. Е. Салтыкова-Щедрина прототипом для образа преуспевающего ученого дельца в его «Сатирических циклах». В. П. Безобразов в своей книге «Война и революция», по крайней мере, признал в Данилевском человека с разнообразной

учености и талантливости, а книгу его «заслуживающую глубокого уважения и внимания». Однако эту свою талантливость, по мнению Безобразова, Данилевский подчинил лишь новому и оригинальному обоснованию славянофильских и паиславистских идей. Между тем, считает Безобразов, Россия принадлежит к «политической системе государств со всеми народами», развивает «те же самые начала, как и Западная Европа». К результатам благотворного влияния европейской цивилизации на Россию он относит и отмену крепостного права, и судебные реформы, и другие новшества, вплоть до воскресных школ и артельных сыроварен. И если, как утверждал Данилевский, эти реформы соответствуют духу нашей старины, то это лишний раз доказывает, полагает Безобразов, что и стариной своей мы связаны с Европой. Автор считал немыслимым «наше прогрессивное движение» без дальнейшего освоения основ западноевропейской цивилизации.

Таким образом, автор как бы отверг тезис Данилевского о том, что западноевропейский и славянский миры - это две разных цивилизации. По его мнению, это одна цивилизация. В то же время, не вполне последовательно он тут же говорит о большом цивилизационном различии каждой европейской страны и особенно о «почти контрастном различии культур стран романского и германского мира».

Словом, Безобразов подверг сомнению всю систему культурно-исторических типов Данилевского, не прибегнув к ее специальному анализу, а лишь приведя примеры, которые, по его мнению, с ней не стыкуются. Основная мысль Безобразова о том, что весь мир идет дорогой западноевропейской цивилизации, целиком находилась в русле либерально-западнической доктрины, старавшейся ориентировать Россию на слепое копирование западной модели экономического, а отчасти - и общественно-политического устройства».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2126550200765199>

РЕЦЕПЦИЯ. Ч.2.

«Фамусов, в виду бесчестия своей дочери, восклицает: что скажет княгиня Марья Алексеевна! — и этим обнаруживает всю глубину своего нравственного ничтожества. Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тищеславное удовольствие от ее похвал»

Н. Я. Данилевский

Продолжаем рассматривать рецепцию работы Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Эта тема подробно рассматривается в монографии Б.П. Балугева «Споры о судьбах России». Приводим рассказ Балугева о рецепции книги в кругах «левой» интеллигенции:

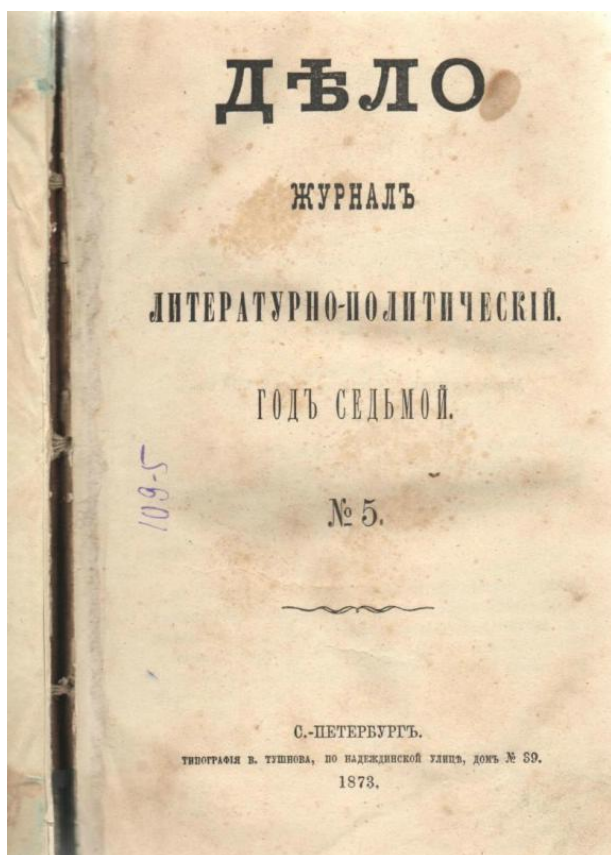
«Критика раздалась и с радикально-демократического фланга периодической печати, который в советской историографии было принято называть революционно-демократическим. В связи с появлением книжного варианта “России и Европы” с достаточно пространной анонимной рецензией на эту работу Данилевского выступила редакция журнала “Дело”. Мог ли журнал, питавшийся радикальными идеями Д. И. Писарева и русского бланкиста П. Н. Ткачёва, делавший ставку на революционную активность интеллигенции и одновременно по мере возможностей знакомявший русскую публику с марксизмом, с деятельностью 1-го интернационала, пропагандировавший материалистическое понимание истории и атеизм, выразивший отрицательное отношение к роману “Война и мир” Толстого, - мог ли такой журнал одобрить книгу Н. Я. Данилевского, его концепцию исторического процесса? Разумеется, нет.

Но редакция “Дела” не просто отвергала позицию Данилевского, - она пыталась ее высмеять, и для этого почти каждое положение книги подавалось с передержками, в искаженном, окарикатуренном, местами совершенно неузнаваемом виде. Обозвав Данилевского славянофилом и панславистом, редакция разъясняла: “Славянофильство во всех своих оттенках явление крайне ретроградное. Славянофилы - это то же самое, что японофилы, которые в настоящее время борются в Японии против насаждения в ней цивилизации, охраняя свой японский “дух”, свою религию, свою науку и т.д.”. В своем фельетонном кураже анонимный автор не догадывался, как посмеются над ним будущие “японофилы”, которые, стремясь сочетать японский “дух”, японскую самобытность с заимствованием технических достижений западной цивилизации, добьются небывалого расцвета своей страны.

В своем фельетонно-полемическом экстазе автор рецензии временами доходил до русофобских выпадов, заявляя, например, что славянофильство зародилось еще в древние времена, “когда образовалась русская нация и развила в себе надменное патриотическое чувство, то чувство, которое заставляет презирать все иностранное и считать все родное чем-то священным, совершенно непогрешимым”. Этот фрагмент наглядно показывает, до каких пределов искажения исторической истины могли дойти оппоненты Данилевского в пылу полемики против него. Правда, далеко не все радикальные демократы старались доказать, что славянофилы, к которым “Дело” относилось даже Д.

И. Фонвизина, - это сплошь ретрограды, что все они страдали “надменным” патриотическим чувством, что теория Н. Я. Данилевского была сплошной химерой.

Более взвешенная позиция была выражена Н. К. Михайловским в его очередных “Записках профана”, опубликованных в январе 1877 г. На размышление о книге его натолкнули вновь появившиеся в печати объявления о продаже “России и Европы”. а также сообщения о прочитанных в Харькове профессором А. А. Потебней публичных лекциях об этой книге (по некоторым источникам, Потебня оценил ее как выдающееся явление). В отличие от крайних радикалов журнала “Дело”. Михайловский выразил довольно уважительное отношение к личности Данилевского, заявив, “что это - человек очень умный, ученый, разносторонний”. Он нашел, что Данилевский отклоняется в своем труде “от чистого славянофильства”, что он, например, - “не питает ненависти к Петру и не путается в гегельянстве”.

Михайловский счел нужным отметить, что учение о культурно-исторических типах совпадает с тем, - “что недавно говорила “Неделя”, но, несмотря на все недостатки автора, несравненно лучше отделанное”. А о том, что говорила - “Неделя” по этому поводу и как он к этому относится, он высказался несколько раньше, полемизируя с этой газетой. Публицист этой газеты П. П. Червинский в одной из своих статей высказал мысль, что Россия отстает от стран Западной Европы по степени развития, но зато превосходит их по типу развития (благодаря наличию общины, являющейся ячейкой социализма. - Б.Б.). Михайловский, намекнув, что значительно раньше ввел эту формулу в научный оборот, тем не менее, приоритет в ее употреблении отнес к Данилевскому, к его книге “Россия и Европа”. Однако тогда же Михайловский отмежевывался от интерпретации этой формулы в духе Данилевского, т. е. от

чрезмерного, как ему казалось, акцентирования на своеобразии национального русского пути. Михайловский при этом исходил из того, что “исторический опыт одних народов не должен проходить даром для других, что между всеми народами неизбежно происходит обмен идей, что типы развития не замыкаются в рамки национальностей, что они могут переходить один в другой, что, наконец, европейские массы, равно как и лучшие умы в Европе, чем дальше, тем больше тяготеют к тому типу общественного строя, частное выражение и невысокую степень развития которого представляет наша община”.

Здесь уже просматривается, что, частично принимая в теории Данилевского очень важное соображение о типах и степенях развития, Михайловский корректирует ее с позиций социалиста, с позиций своего представления об одинаковом социалистическом будущем России и Европы, с позиций своего представления о судьбе России.

В заметках о книге “Россия и Европа” он развивает эту мысль. Он пишет: “Я вполне, однако, признаю общие положения г. Данилевского о культурно-исторических типах и степенях развития, о смене их на арене цивилизации, словом – все те положения, которыми еще не предпрещается вопрос о характере типов, о их строении. Вместе с г. Данилевским я думаю, что европейская цивилизация, как и все предшествовавшие, односторонняя, но не потому, что она заключена в необходимо узкие рамки национальности (что относительно Европы фактически неверно), а потому, что в ней принимало и принимает участие лишь меньшинство европейского населения. “Народ” в тесном смысле слова, т.е. не в этнографическом, а в социологическом, должен представить тот основной элемент, который дает иное течение истории, создает новый культурно-исторический тип. И переживет тогда старая Европа века и века, потому что она помолодеет”. Как видим, культурно-исторический тип Михайловского вполне совместим с марксистской формацией. Измени Европа свою капиталистическую формацию на социалистическую, она сменит и свой культурно-исторический тип – старый на молодой.

Именно с позиций своего социалистического выбора будущего для России и подходит Михайловский к критике всех остальных сторон концепции Данилевского. На первом месте для него слабости ее социального содержания. Ему кажется, что, сопоставляя Россию и Европу, Данилевский видит в чужом глазу соломинку, а в своем не видит и бревна. Например, в европейской истории упоминается торговля неграми, а в российской замалчивается торговля крепостными крестьянами. В европейской автор отмечает такие жестокости, как расстрелы картечью рабочих – участников восстаний во французском Лионе или массовые потопления республиканцами арестованных роялистов в г. Нанте в 1792 году, когда к городу подходила армия вандейцев, которая могла освободить их, но в российской он умалчивает о Стеньке Разине и пугачевщине.

Однако эта критика, скажем, с социально-классовых позиций сопровождается и весьма спорной критикой книги Данилевского с научных позиций. Н. К Михайловскому кажется, что Данилевский сильно облегчил себе задачу, выбрав для своей справедливой критики традиционную, “искусственную” схему деления истории на историю древнего мира, средних веков и новую. Такое деление, по мнению Михайловского, бытует только в школьных учебниках. А вот если бы автор взялся за критику исторических схем Фихте, Гегеля, Конта, Луи Блана, Лассаля, то весь ход своей аргументации ему пришлось бы изменить, чтобы отпраздновать победу. Но ведь Данилевский, как ученый-естественник, сознательно строил свои выводы на анализе конкретных явлений и фактов исторической науки, а не тех умозрительных схем, которые предлагали для периодизации исторического процесса философы, но которые не были взяты историками на вооружение в их трудах по написанию истории разных стран и всемирной истории».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2128141560606063>

РЕЦЕПЦИЯ. Ч.3.

«Да ведь это - будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность ее, популярность ее, несмотря на строго научный прием ... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов»

Ф.М. Достоевский о книге «Россия и Европа»

Представляет интерес оценка книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» со стороны Ф.М. Достоевского. Эта тема рассмотрена в монографии Б.П. Балугева «Споры о судьбах России». Приводим выдержки оттуда:

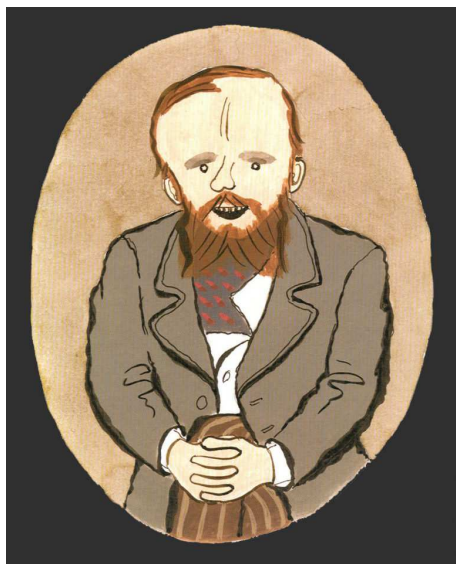
«По поводу появления первых глав книги в журнале «Заря» Ф. М. Достоевский написал Н. Н. Страхову из Флоренции в марте 1869 года: «Да ведь это - будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность ее, популярность ее, несмотря на строго научный прием ... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же заглавием, с точно такою мыслию и выводами. Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, уже осуществленным - стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения " Зари" (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтешь две главы и думаешь: целый месяц еще, а пожалуй, и 40 дней)».

Вряд ли Страхов не познакомил Данилевского с отзывом о труде его старого товарища по кружку петрашевцев. И вряд ли этот отзыв был Данилевскому не дорог. Дело, конечно, не только в воспоминаниях о тех «вечерах» у Петрашевского, на которых Данилевский делал свои блистательные доклады об учении Фурье, а Достоевский читал свои художественные произведения. К концу 60-х годов Достоевский уже прочно вошел в сознание всей читающей России как один из лучших русских писателей, а для многих и самый лучший. Написанные и опубликованные после ссылки «Записки из мертвого дома» (1860-1862), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868) подняли писательский авторитет Достоевского к 1869 году на огромную высоту.

В этом отзыве для Данилевского было, конечно, очень дорого полное созвучие его мыслей размышлениям Достоевского. Позднее Достоевский их выразил в полной мере в своем «Дневнике писателя» за 1876, 1877 и 1881 годы. Но и раньше их мысли во многом были созвучными, когда Достоевский активно заявлял о своей общественной позиции в своих журналах «Время» и «Эпоха», например в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях» («Время». 1863; но об этой статье подробнее - в следующей главе). В своих письмах Достоевский не раз высказывал свою солидарность с концепцией Данилевского, изложенной им в книге «Россия и Европа». Но в этом письме Достоевский выражал не только горячее одобрение содержания работы «Россия и Европа», но и буквально восторг перед ее высокой научностью, логичностью, гармоничностью и стройностью сюжета, ясностью языка. Он не пишет об этом как о чем-то

неожиданном. Ведь именно эти достоинства Н. Я. Данилевского он мог наблюдать еще в кружке М. В. Петрашевского, а также и читая раньше его статьи в журнале «Отечественные записки». Изумило его лишь почти полное сходство их мыслей.

Придавая огромное значение труду Данилевского для России, Достоевский был крайне озабочен его издательской судьбой. Ему кажется, что редакция журнала «Заря» понапрасну никак не выделяет его на своих страницах, подает как обычный рядовой материал. В письме А. Н. Майкову в мае 1869 г. он пишет: «по-моему, это произведение - важное в последней степени (выделено мной. - Б. Б.), но боюсь, что оно у них в журнале недостаточно выставлено». Он был встревожен, когда до него во время заграничной поездки доходят слухи, что срывается договоренность об издании «России и Европы» отдельной книгой. - «да как же это можно? Ради Бога, не забудьте об этом уведомить», - пишет он Н. Н. Страхову из Дрездена. Нельзя не отметить, что в отличие от многих ordinarily мысливших современников Ф. М. Достоевский оказался в оценке книги Н. Я. Данилевского таким же провидцем, как и по многим другим судьбоносным для России вопросам. Он был уверен, что - «она должна иметь колоссальную будущность, хотя бы и не имела теперь».

Их личные контакты, вероятно, были очень редкими. Как уже указывалось, Данилевский нечасто посещал Петербург, большую часть времени проводил или в научных экспедициях, или в своей семейной крепости на берегу Чёрного моря за написанием научных трудов. Во всяком случае, после возвращения Ф. М. Достоевского из ссылки они до 1869 года не встречались. В феврале 1868 года А. Н. Майков сообщил в письме к Ф. М. Достоевскому: «этот Данилевский - Вы его знаете (несомненно, по кружку петрашевцев. - Б. Б.) - бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием "Россия и Европа" ... Представьте себе: методы естественных наук, приложенные к истории, - прелесть что такое! Это будет капитальное явление ... Светлая голова, развивавшаяся в странствиях по России и окрепшая в науке. Крепкая мысль». На что Достоевский обрадованно отвечал: «Ведь да это тот Данилевский, бывший фурьерист, по нашему делу? Да, это сильная голова ... О как бы я желал прочесть!». Об их, может быть, первой встрече по прошествии более чем двадцати лет со времени их общих увлечений социалистическими идеями, зимой 1871-1872 гг., рассказывает в своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская. Она пишет, что в семье Достоевских был устроен обед в честь приезда из Крыма Н. Я. Данилевского, на котором, кроме главного гостя, среди приглашенных «умных и талантливых людей» присутствовали А. Н. Майков, Н. Н. Страхов и профессор кафедры славянской филологии Петербургского университета В. И. Ламанский, что «беседа их затянулась до глубокой ночи».

А. Г. Достоевская вспоминает еще об одном обеде, данном Ф. М. Достоевским в честь Н. Я. Данилевского, видимо, годом или двумя позже: «так как тот (Н. Я. Данилевский. - Б. Б.) скоро уезжал, то муж тут же пригласил его к себе пообедать на завтра. Услышав об этом, друзья и поклонники Данилевского сами напросились на обед. Можно представить мой ужас, когда муж перечислил будущих гостей и их оказалось около двадцати человек. Несмотря на мое маленькое хозяйство, мне удалось устроить

все как надо, обед был оживленным, и гости за интересными разговорами просидели у нас далеко за полночь».

И так, мы видим, что книга Н. Я. Данилевского с ее основной концепцией нашла полное одобрение у одного из самых выдающихся русских писателей всех времен, чье творчество, по справедливому замечанию одной исследовательницы, «остается более актуальным, чем многие творения наших современников».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2129393837147502>

РЕЦЕПЦИЯ. Ч.4.

«Чем больше будет расти у нас народное самосознание, тем глубже и обширнее будет влияние Данилевского»

К.Н. Бестужев-Рюмин

Примечательно, что книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» получила крайне высокую оценку со стороны одного из ведущих отечественных историков второй половины XIX в. - К.Н. Бестужева-Рюмина. Эта тема рассмотрена в монографии Б.П. Балуева «Споры о судьбах России». Приводим выдержки оттуда:

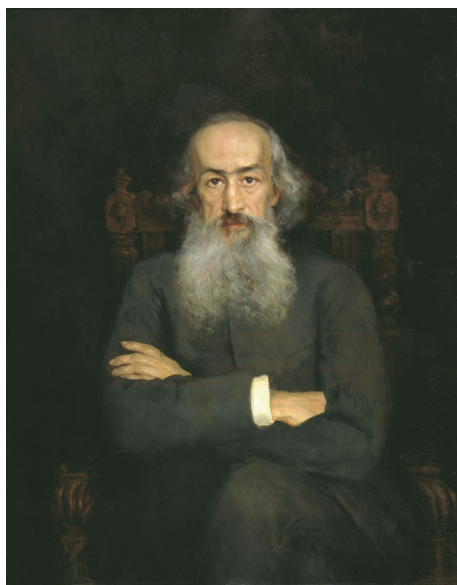
«К. Н. Бестужев-Рюмин был человеком широко и разносторонне образованным, автором трудов по русской истории, охватившим все ее периоды, был также источниковедом и историографом, в том числе прекрасно знал и зарубежную историографию. И вот этот человек, всегда очень осторожный и сдержанный в своих оценках, но вместе с тем «отличавшийся тонкой наблюдательностью, эрудицией и широтой взглядов», с самого начала и до конца своего научного пути неизменно высоко отзывался о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

В первый раз эта оценка прозвучала в его работе «Русская история» (Т. 1, СПб, 1872). Рукопись этой книги была сдана в печать, когда «Россия и Европа» еще не появилась отдельным изданием, поэтому Бестужев-Рюмин ссылается на ее журнальную публикацию. В первой части введения, посвященного раскрытию «понятия об истории», он пишет о «блистательных статьях Н. Я. Данилевского " Россия и Европа"», о его теории исторического процесса как сменяющихся культурно-исторических типах. Он считает, что теория Данилевского гораздо более похожа на правду, нежели немецкие теории деления народов на исторические (длинноголовые) и неисторические (короткоголовые), согласно которым славяне, естественно, отнесены к короткоголовым. Высокомерное отношение к другим народам было свойственно представителям всех господствующих цивилизаций, подчеркивает Бестужев-Рюмин. Например, греки делили мир на эллинов и варваров, которыми они считали все остальные народы. Принять мысль Данилевского, считает Бестужев-Рюмин, значит отказаться от этой «великой неправды».

Неожиданная кончина Н. Я. Данилевского потрясла К. Н. Бестужева-Рюмина. Его некролог автору «России и Европы» прозвучал как мощный реквием, исполненный глубокой скорби, признательности великому ученому за его труды, пророческой уверенности в его будущей широкой известности. Он относит Н. Я. Данилевского к числу «глубоких мыслителей и оригинальных ученых», каких «еще мало в летописях русского просвещения». Интеллект Данилевского для него - явление из ряда вон выходящее. Он поясняет: «Умственная природа покойного принадлежит к редким и исключительным; скажем прямо - то был человек гениальный. Он умел соединить многосторонность знаний с их основательностью, умел возвести свои обширные знания к единству цельного оригинального мирозерцания». В книге «Россия и Европа» Бестужев-Рюмин видит «спокойное, серьезное, доказательное изложение этого оригинального мирозерцания», свидетельство «обширных знаний и глубоких размышлений» автора. Это книга, по его мнению, не для тех, кто привык к фельетонному, поверхностному чтиву, она требует соразмышления. И тот, кто хоть раз вчитался в нее, будет ее постоянно перечитывать. Бестужев-Рюмин уверен, что, хотя книга «Россия и Европа» и была при своем первом появлении встречена «или холодно, или враждебно», успех в будущем ей обеспечен, ибо

это «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем». А изложенной в книге теории культурно-исторических типов, считает он, «суждено, вероятно, занять преобладающее место в философии истории». Будущий успех в России книги «Россия и Европа» Бестужев-Рюмин ставит в зависимость от роста в стране национального самосознания: - «чем больше будет расти у нас народное самосознание, тем глубже и обширнее будет влияние Данилевского». Во всяком случае, он твердо уверен: «Имя его и его мысли будут жить, пока живет русский народ».

Автор некролога, кроме «России и Европы», приводит и ряд других примеров сочетания широты интересовавших Данилевского научных вопросов с глубокой, основательной их проработкой в его трудах. Так, по мнению Бестужева-Рюмина, Данилевский совершенно «блистательно» наметил путь угров (венгров) по России в место своего нового обитания; дал «глубокомысленный и веский ответ В. С. Соловьёву» по истории взаимоотношений православия и католицизма; написал часть обширного труда о дарвинизме, которому, судя по опубликованному, «по всей вероятности, суждено было произвести переворот в существующих биологических взглядах».

После смерти Н. Я. Данилевского К. Н. Бестужев-Рюмин как бы старался наверстать все, что он не успел сказать о нем и его учении при его жизни. Фигура Данилевского, его заслуги перед наукой становились для него все более очевидными, приобретали все более крупный масштаб. Поэтому в 1888 году в связи с выходом третьего издания «России и Европы» (второе - в виде отдельной книги) К. Н. Бестужев-Рюмин выступил в четвертом номере «Журнала Министерства народного просвещения» с рецензией на этот труд. Он приравнял в ней разработанную и обоснованную Данилевским «естественную систему» исторического процесса к открытию Коперника в астрономии. Он рекомендует Данилевского читателям как автора, который «поражает строгою логичностью своих выводов, необыкновенным глубокомыслием, широтою взглядов и многосторонностью своих познаний». А только что появившийся неоконченный труд Данилевского «дарвинизм», по мнению Бестужева-Рюмина, служит «новым доказательством и глубины ума его, и обширности знания». Поэтому в том же 1888 г. он опубликовал большую статью «Теория культурно-исторических типов» в журнале «Русский вестник» (кн. 5), в которой подробно изложил ее, высказав убеждение, что «едва ли можно доказать, что прогресс совершается не тем путем, который указал Данилевский». Статья эта в 1888 и в 1895 годах была включена в переиздание книги «Россия и Европа» в качестве приложения к ней.

В этой статье Бестужев-Рюмин снова подчеркивает, что непреходящая уникальная ценность книги «Россия и Европа» - в содержащейся в ней и убедительно обоснованной Н. Я. Данилевским теории культурно-исторических типов. Однако, отмечает Бестужев-Рюмин, оппоненты Данилевского, как правило, или обходят, или искажают эту теорию, приписывая автору стремление обосновать полную замкнутость и изоляционизм в политике России. В связи с этим Бестужев еще и еще раз разъясняет: «Данилевский, не отрицая возможности дальнейшего развития науки европейскими народами, а также и возможности пользоваться результатами их трудов народами нового типа, указывает как на условие неизбежности нового типа культуры на

то, что для дальнейшего развития цивилизации необходима перемена направления, обретение нового предмета деятельности».

Причину злобных нападок на книгу Данилевского прозападнических критиков Бестужев-Рюмин усматривает в том, что этой теорией у Европы отнимается самочинно присвоенная ею самой себе роль носительницы мировой культуры на все времена, и в том, что эта теория провозглашает возможность развития всеславянской культуры. Особую пользу книги для русского читателя Бестужев-Рюмин видит в том, что она помогает ему избавиться от своеобразного комплекса неполноценности, ибо, говорит он, «мы так привыкли к самоунижению, самобичеванию, что каждый твердый голос, защищающий русское начало, кажется нам какой-то непозволительной ересью».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2134019236684962>

ПОЛЕМИКА С СОЛОВЬЕВЫМ. Ч.1.

«Религиозная мысль в своем течении и развитии не избирала себе, и до сих пор не избирает, русла печати, и, хотя распространение других идей чрезвычайно ускорилось и расширилось с тех пор, как было проложено для них это новое русло, идеи религиозные все продолжали и продолжают по-прежнему держаться древнейшего русла — изустного сообщения»

Н.Я. Данилевский

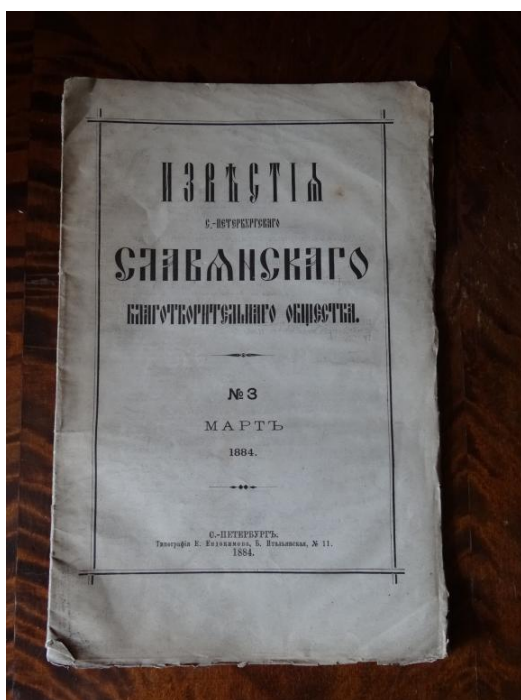
В год своей смерти Н.Я. Данилевский выступил со статьей «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885), в которой он попытался критически осмыслить христианские экуменические идеи, представленные в ряде статей Соловьева. Общий вывод Данилевского состоит в том, что объединение Церквей возможно лишь через отказ католичества от ряда догматических идей. Эта статья Данилевского вызвала ответ со стороны Соловьева и последующую полемику, которая касалась уже не только проблемы экуменизма, но и всей культурно-исторической теории Данилевского. Приведем выдержки из его критической статьи в адрес Соловьева:

«В одном из своих писем к Пальмеру Хомяков сказал: «Я уверен в справедливости того мнения, что важнейшее препятствие к единению заключается не в тех различиях, которые бросаются в глаза, т.е. не в формальной стороне учений, но в духе, господствующем в западных церквях, в их страстях, привычках и предрассудках, а, главным образом, в том чувстве самолюбия, которое не допускает сознания прежних заблуждений, в том горделивом пренебрежении, вследствие которого Запад никогда не решится признать, что Божественная истина столько лет охранялась отсталым и презренным Востоком». Слова эти с удивительной точностью оправдались при отделении так называемых старокаатоликов, которые, отшатнувшись от папской непогрешимости, утвержденной как догмат, по-видимому не имели бы уже никаких причин не присоединиться к православию, ибо все, догматически отличающее их от нас, осталось висящим на воздухе, по расторжении цепи папской непогрешимости. Чтобы сказать эти слова и повторить их за ним, нужно было и у Хомякова, и у всех православных непоколебимое убеждение, что христианская истина на стороне этого востока; и вдруг, от человека, и глубоко религиозного, и много занимавшегося религиозными вопросами, и много размышлявшего о богословских предметах, слышим мы как раз слова, диаметрально противоположные только что приведенным. Проповедь самоотвержения обращается к нам, к смиренному востоку. Оказывается, что мы должны победить страсти, привычки и предрассудки, победить то чувство самолюбия, которое не допускает сознания прежних заблуждений, унаследованных от Византии. Не должно ли было это всех удивить? Меня, по крайней мере, это удивило до крайности...

[Имеется] вид единства и общения, собственно тот, при котором различия православия и римского католичества являются чистым недоразумением, и потому именно тот, который и должен быть желателен г. Соловьеву: «Все нами признаваемое признается и католиками, ничего нами признаваемого они не отрицают», говорит г. Соловьев. Значит, это, и только это и есть существенное, все же остальное — одно недоразумение и следовательно несущественно. Чего же лучше! Но в деле религии все догматическое непременно и существенно, хотя может быть и не наоборот, т.е. не все существенное вместе с тем непременно и догматично. Об этом можно спорить и рассуждать, и во всяком случае, как в геометрических теоремах, обратное положение

потребовало бы особого доказательства. Но, если все догматическое непременно существенно, то, во всяком случае, все несущественное уже никак не догматично. Несущественным, а следовательно и недогматичным, будет таким образом все, в чем мы различествуем; следовательно и в символе веры несущественно, а потому и не догматично все то, чем мы различаемся; не догматична поэтому и вставка *Filioque*. Вне символа тоже не существенна и не догматична папская непогрешимость, а догматична только непогрешимость церкви.

Если с обеих сторон это будет признано, то, думается мне, все препятствия к общению и единению будут устранены; признать же это с нашей стороны также, кажется, нет препятствий; а со стороны католиков? Но г. Соловьев говорит: «что должны сделать католики для соединения с нами — это их дело». Их дело, конечно; но тем не менее я не понимаю, что такое значит соглашение, если оно делается не с обеих соглашающихся сторон? И какое же это будет единение и общение, если к нему приступают не обоюдно? Для меня это что-то немыслимое. Мы можем согласиться на том основании, что все нам общее существенно и догматично, а все нас различающее существенного и догматичного значения не имеет; но признание это необходимо должно быть обоюдным, т.е. если наша церковь допустит римских католиков к полному церковному общению с собою, то и римская церковь должна точно также допустить и нас к полному с собою общению. Иначе мы впадем в нелепость, которую Хомяков, обсуждавший этот же вопрос, при разборе брошюры князя Гагарина, выставил с поразительною ясностью. Словами его я и окончу свое слишком длинное возражение:

«Итак, церковь сложилась из двух провинциальных церквей, состоящих во внутреннем общении: церкви римской и церкви восточной» (но не на началах полной обоюдности). «Одна смотрит на спорные пункты, как на сомнительные мнения» (как на несущественное, чего и требует от русского православия г. Соловьев), «другая, как на члены веры» (что опять-таки ей, по-видимому, предоставляет г. Соловьев). «Отлично! Восточный принимает римскую веру; он остается в общении со всею церковью; но половина принимает его с радостью, а другая не смеет судить его, потому что об этом предмете у нее нет определенной веры» (или можем даже выразиться, потому, что признает несущественным то, что признал существенным перешедший в римскую веру). «Возьмем теперь обратный случай. Кто-нибудь из области римской

принимает восточное мнение; он необходимо исключается из общения с своею провинциальною церковью, ибо он отверг член ее символа, то есть догмат веры» (теперь мы должны уже сказать не один, а три догмата ее веры), «а через это самое исключается из общения и с восточными (так как они признают себя в полном общении с западными). Западные исключают человека из общения за то, что он верует тому, чему веруют их братья, с которыми они состоят в общении, а восточные исключают этого несчастного за то, что он исповедует их собственную веру. Трудно вообразить себе что-либо более нелепое. Из этого смешного положения только один выход, а именно: допустить, что латинянин не лишится общения за принятие восточного верования, то

есть за оставление догмата. Тем самым латинский догмат низводится на степень простого мнения».

То есть, мы возвращаемся к первому единственно возможному предположению обоюдности, которое и заключает в себе подразумеваемое отступление римской церкви от всех ее отличительных догматов, в особенности же от папской непогрешимости, в которой все прочие имеют свое единственное основание — не как мнения, а как догматы. Но на такой точке и ей оставаться невозможно. Естественное и неизбежное логическое развитие должно привести от подразумеваемого к ясному и отчетливому отказу от всего несущественного, т.е. от всего догматически различающего римскую церковь от православия, которое тем самым и признается за тождественное с вселенским вероучением.

Вот неизбежный результат единения и общения обеих церквей, при том предположении, что в настоящее время их разделяет только недоразумение, что лишь то существенно и догматично, что обще им обеим. От такого решения вопроса ни русскому народу, ни православию вообще нет причин отказываться; дай Бог, чтобы этих причин не было и у римского католицизма; но неужели же можно обольщать себя надеждою, что их и в самом деле у него не найдется?».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2135562033197349>

ПОЛЕМИКА С СОЛОВЬЕВЫМ. Ч.2.

«Видеть в истории человечества только жизнь отдельных, себе довлеющих, культурных типов, этнографически и лингвистически определенных, — значит закрывать глаза на самые важные исторические явления»

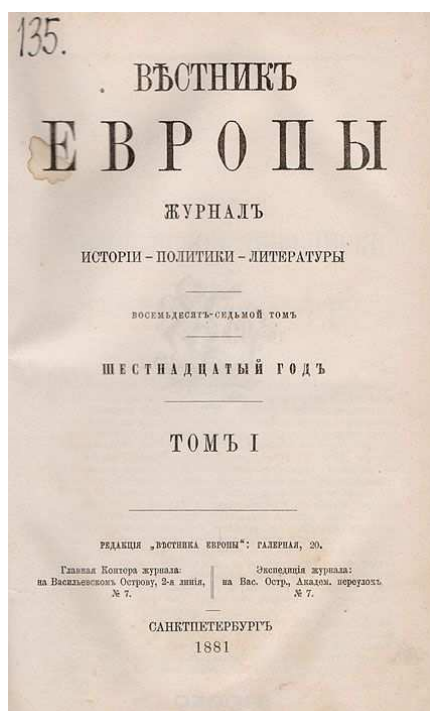
Вл. С. Соловьев

Полемика между Вл. Соловьевым и Н.Я. Данилевским, начавшаяся со статьи последнего «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885), достигла апогея в 1888 г. - уже после смерти Данилевского - когда вышла статья Соловьева «Россия и Европа», в которой он выступил с критикой историософской концепции русского мыслителя. Его критические замечания представляют особый интерес, поскольку они сделаны крупным философом, имевшим собственную развитую историософию. Приводим выдержки из статьи Соловьева:

«К таким полезным (в указанном смысле) теориям, старающимся закрепить современную им действительность, придавая ей более определенный и систематический характер, принадлежит воззрение, изложенное с такою обстоятельностью в книге покойного Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». По мнению ее почитателей, книга эта есть «катехизис или кодекс славянофильства». Автор стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора, осужденного, но еще не уничтоженного евангельскою проповедью. Мысль русского писателя не имеет крыльев, чтобы подняться хотя бы лишь в теории над этою темною действительностью. Задача его в том, чтобы возвести существующую в человечестве рознь в закругленную и законченную систему и вывести из этой системы некоторые практические «постулаты» для той дробы человечества, к которой принадлежит сам автор.

Разделение людей на племена и нации, ослабленное до некоторой степени великими мировыми религиями и замененное делением на более широкие и более подвижные группы, возродилось в Европе с новою силою и стало утверждаться как сознательная и систематическая идея с начала истекающего столетия. Прежде всех отличился в этом деле знаменитый Фихте, который, установив в своей «Wissenschaftslehre» отвлеченно-философский эгоизм или «солипсизм» сознающего Я, перешел в «Речах к немецкому народу» на почву более широкого, но все-таки произвольного и отталкивающего эгоизма национального. После наполеоновских войн принцип национальностей сделался ходячею европейскою идеей. Эта идея заслуживала всякого уважения и симпатии, когда во имя ее защищались и освобождались народности слабые и угнетенные: в таких случаях принцип национальности совпадал с истинною справедливостью. Всякая народность имеет право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей. Это требование равного права для всех народов вносит в политику некоторую высшую нравственную идею, которой должно подчиниться национальное себялюбие. В этой высшей идее все народы солидарны между собой, и в меру этой солидарности человечество уже не есть пустое слово. Но, с другой стороны, это возбуждение национального самочувствия в каждом народе, особенно же в народах более крупных и сильных, благоприятствовало развитию народного эгоизма или национализма, который уже ничего общего с справедливостью не имеет и выражается совсем в иной формуле. «Наш народ есть самый лучший из всех народов, и потому он предназначен так или иначе покорить себе все другие народы или, во всяком случае, занять первое, высшее место между ними». Такою формулой освящается всякое насилие, угнетение, бесконечные войны, все злое и темное в истории мира.

И жизнь, и теория как-то очень легко и незаметно подменяют справедливую и человеческую формулу национальной идеи формулой насилия и национального убийства. Далеко не все глашатаи этой идеи проповедуют прямо покорение и уничтожение чужих народов; но есть для этого обходный способ, более мягкий по виду, хотя столь же убийственный по духу. «Наш народ по самому ходу истории и по естественному преемству национальных культур должен сменить все прочие отжившие или отживающие народы». «Смена» эта тоже не обходится без жестокой кровавой борьбы и разных национальных убийств, но окончательный результат достигается как будто сам собою. Такую смягченную формулу национального эгоизма восприняли от немцев наши славянофилы, применившие к России то, что их учителя присваивали германизму, — систематически же разработал у нас это воззрение автор «России и Европы». Между ним и прежними славянофилами есть, однако, различие, на которое он сам указывает, хотя не всегда его соблюдает. Те утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как носитель всечеловеческого окончательного просвещения; Данилевский же, отрицая всякую общечеловеческую задачу, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, — однако наиболее совершенным и полным (четырёхосновным, по его терминологии), совмещающим в себе преимущества прежних типов. Разногласие, таким образом, выходит только в отвлеченных терминах, не изменяющих сущности дела. Должно, однако, заметить, что коренные славянофилы (Хомяков, Киреевский, Аксаковы, Самарин), не отвергая всемирной истории и признавая, хотя лишь в отвлеченном принципе, солидарность всего человечества, были ближе, чем Данилевский, к христианской идее и могли утверждать ее, не впадая в явное внутреннее противоречие.

Зато Данилевский имеет несомненное преимущество в выражении национальной идеи. Для прежних славянофилов эта идея была по преимуществу предметом поэтического, пророческого и ораторского вдохновения. Они ее воспевали и проповедовали. С другой стороны, в последние годы та же идея стала предметом рыночной торговли, оглашающей своими полуживотными криками все грязные площади, улицы и переулки русской жизни. Против поэзии и красноречия спорить нельзя. Бесполезно также препираться с завывающим и хрюкающим воплощением национальной идеи. Но, кроме этих двух крайностей, мы имеем, благодаря книге Данилевского, спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении к России. Эмпирик и реалист по складу своего ума, естествоиспытатель и практический деятель, Н. Я. Данилевский был чужд и философского идеализма, и поэтической фантазии, резко отличаясь этим от главных славянофилов, большею частью поэтов, воспитанных на гегелевской диалектике.

Но, с другой стороны, обладая, как и они, крупным умственным дарованием и безукоризненным нравственным характером, автор «России и Европы» примыкает к лучшим представителям славянофильства и целую бездну отделяется от торжествующего ныне площадного патриотизма и национализма. Если против сего последнего единственно действительное средство есть соблюдение опрятности, то обдуманная и наукообразная система национализма, разработанная в сочинении Данилевского, заслуживает и требует серьезного критического разбора.

Множественность самобытных культурно-исторических типов, вместо единого человечества; независимое и отдельное развитие этих типов, вместо всемирной истории; затем, Россия (со славянством) как особый культурно-исторический тип, совершенно отличный от Европы, и притом тип высший, самый лучший и полный — вот главные положения в книге «Россия и Европа».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2137081673045385>

ПОЛЕМИКА С СОЛОВЬЕВЫМ. Ч.3.

«Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления»

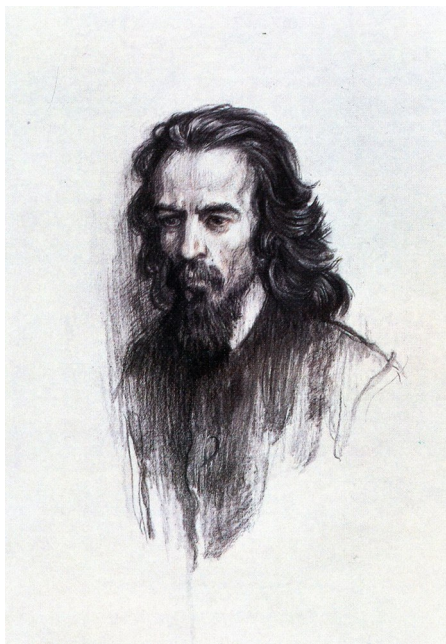
Вл. С. Соловьев

В своей статье «Россия и Европа» (1888), являющейся ответом на одноименную книгу Данилевского, Соловьев отмечает, что стремление России к отделению от европейского мира всегда имело негативные исторические последствия. По его мнению, это стремление воспроизводит устаревший языческий принцип национального обособления, и оно напрямую противоречит христианскому универсализму. Соловьев пишет:

«Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина). Это не мешает, конечно, России представлять и на пути национального обособления многие оригинальные черты, не свойственные никакой другой европейской нации. Вопрос лишь в том, насколько ценны эти оригинальные черты. Огромная Китайская империя, несмотря на все сочувствие к ней Данилевского, не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеей и никаким великим подвигом: она не внесла и не внесет никакого векового вклада в общее достояние человеческого духа. Это не препятствует, однако, китайцам быть чрезвычайно оригинальным и весьма изобретательным народом. Данилевский с большим уважением перечисляет все их изобретения. Между прочим, «порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно (?), даже от них занесены в Европу».²³ Занесены ли, в самом деле, из Китая в Европу эти изобретения — мы не знаем, но что сами китайцы ничего важного из них не сделали — это известно наверное. Вообще китайская оригинальность обнаруживается более всего отрицательным или дефективным образом. Как оригинальная китайская живопись отличается от европейской отсутствием перспективы, так оригинальность китайского книгопечатания, сравнительно с европейским, выразилась лишь в отсутствии подвижного шрифта. Впрочем, и это несовершенное книгопечатание было, пожалуй, излишним, так как кроме загадочных метафизических изречений Лаотзе, вероятно, навеянных извне индийскою теософией, китайский ум не произвел ничего достойного быть увековеченным. Та «громадная литература», о которой говорит Данилевский, громадна лишь в количественном отношении. И сомнительное изобретение китайцами компаса было для них, во всяком случае, бесполезно, так как в открытое море они не пускались и новых стран не открывали. Также и изобретение плохого пороха не пошло им впрок при отсутствии порядочного войска, и свои военные изъязны не удалось им восполнить, как известно, даже при помощи другого оригинального изобретения: запугивания европейцев посредством чудовищ, намалеванных на крепостных стенах.

Россия со времен Петра Великого имеет перед Китаем то несомненное преимущество, что наши войска и крепости снабжены настоящими европейскими орудиями, а роль картонных пушек и фантастических драконов для устрашения Европы

предоставлена исключительно патриотической журналистике. И если, с другой стороны, мы не изобрели даже плохого пороха и плохого книгопечатания, подобно китайцам, то все-таки в разных оригинальных отличиях у нас нет недостатка. Не перечисляя их всех, укажу на одну, по-видимому, мелкую, но чрезвычайно характерную особенность. В то время как все европейские нации пользуются исправленным григорианским календарем, мы продолжаем упорно держаться старого юлианского, отставая от Европы и от солнца на 12, а скоро и на 13 дней. Оригинальность наша состоит здесь, впрочем, лишь в предпочтении плохого хорошему, так как самое это плохое не есть наше собственное, а тоже общеевропейское или общечеловеческое, но только оставленное другими за негодностью.

Эта оригинальная черта в области бытовой вспомнилась мне по поводу такого же оригинального явления в области русской мысли. Идея племенных и народных делений (принятая как высший и окончательный культурно-исторический принцип) столь же мало, как и юлианский календарь, принадлежит русской изобретательности. Со времен вавилонского столпотворения мысль и жизнь всех народов имели в основе своей эту идею национальной исключительности. Но европейское сознание, в особенности благодаря христианству, возвысилось решительно над этим, по преимуществу языческим началом и, несмотря даже на позднейшую националистическую реакцию, никогда не отрекалось вполне от высшей идеи единого человечества. Схватиться за низший, на 2000 лет опереженный человеческим сознанием языческий принцип суждено было лишь русскому уму. Видеть в этом попятном движении мысли какую-нибудь положительную, а не «дефективную» только оригинальность, искать здесь проявления или хотя бы только предвещания нашей духовной самобытности было бы так же неосновательно, как и гордиться верностью России негодному юлианскому календарю. Достойно ли великого народа проявлять свою оригинальность в том, чтобы противоречить разумному ходу истории или течению светил небесных? ...

Как ни далека еще наша действительность от исполнения нравственных требований апостола Павла или хотя бы Сенеки, но проповедь всечеловеческого единения не пропала даром. Из нее вышел новый культурный мир, который при всех своих практических грехах, при всех своих частных разделениях и междоусобиях все-таки представляет великое идеальное единство племен и народов, настолько превосходящее, и объемом и глубиной, единство Римской империи, насколько сама эта империя превосходила все бывшие до нее попытки всемирного владычества. Народы новой христианской Европы, восприняв заразу из Рима и из Галилеи истину единого по природе и по нравственному назначению человечества, никогда не отрекались в принципе от этой истины. Она осталась неприкосновенною даже для крайностей возродившегося в нынешнем веке национализма. Сам Фихте ставил немецкий народ на исключительную высоту только потому, что видел в этом народе сосредоточенный разум всего человечества, единого и нераздельного. Только русскому отражению европейского национализма принадлежит сомнительная заслуга — решительно отказаться от лучших заветов истории и от высших требований христианской религии и вернуться к грубо языческому, не только дохристианскому, но даже доримскому воззрению.

Принимаясь за свой труд под влиянием искреннего, хотя слишком узкого и неразумного патриотизма, покойный Данилевский имел в виду практическую цель: поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни «европейничанья». Но, при очевидной невозможности прямым образом доказать великую культурную самобытность России и ее коренную и окончательную отдельность от Европы, наш автор вынужден был избрать для своей цели окольный путь общих теоретических соображений».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2138500422903510>

ПОЛЕМИКА С СОЛОВЬЕВЫМ. Ч.4.

«Отдавать безусловное предпочтение (в смысле высшего предела человеческих обязанностей) культурному типу, как группе более конкретной и определенной сравнительно с человечеством как с понятием слишком отвлеченным и неясным, значит открывать свободную дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных требований»

Вл. С. Соловьев

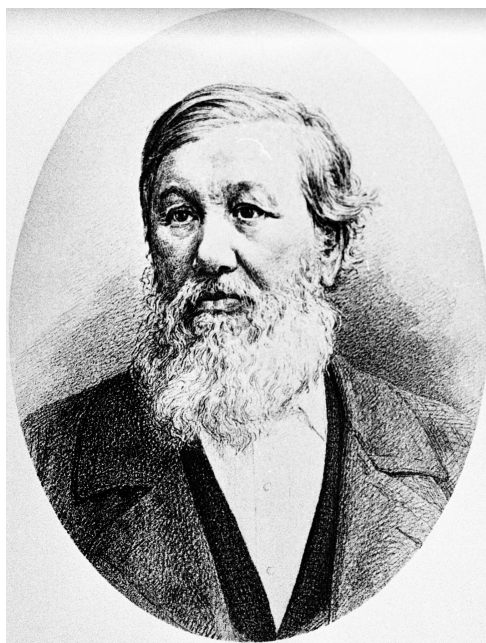
В своей статье «Россия и Европа» (1888), являющейся ответом на одноименную книгу Данилевского, Соловьев приводит следующую интересную мысль: если мы отказываемся от идеи единого человечества и делаем высшей ценностью отдельные культурно-исторические типы, то тем самым мы открываем путь к объявлению высшей ценностью иерархически более низких социальных образований — народа, группы, клана, семьи и т. д. В конечном счете, по его мнению, это может привести к проповеди «разумного эгоизма», что является фундаментальным противоречием универсализму таких религий, как христианство, ислам и буддизм. Это одна из причин того, что указанные религии, как полагает Соловьев, плохо вписываются в историософскую схему Данилевского. Обратимся к рассуждениям Соловьева:

«Отдавать безусловное предпочтение (в смысле высшего предела человеческих обязанностей) культурному типу, как группе более конкретной и определенной сравнительно с человечеством как с понятием слишком отвлеченным и неясным, значит открывать свободную дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных требований. Ибо совершенно несомненно, что интересы национальные (в тесном смысле) гораздо конкретнее, определеннее и яснее интересов целого культурно-исторического типа, который для большинства смертных, пожалуй, представляется еще туманнее, чем для Данилевского человечество; точно так же несомненно, что интересы какого-нибудь сословия или партии всегда определеннее и конкретнее, нежели интересы общенациональные или общегосударственные, и, наконец, уже вовсе никакому сомнению не подлежит, что для всякого его личные эгоистические интересы суть из всех прочих самые ясные, самые определенные и конкретные.

И совершенно напрасно, в насмешку над идеей человечества, наш автор говорит, что для действительности этой идеи необходимо предположить какого-то «духа земли», который внутри себя сознает коллективную жизнь всего человечества. Во-первых, этого вовсе не нужно, ибо, помимо духа земли, такое сознание может принадлежать и простым смертным, как, например, апостолу Павлу, блаженному Августину или хоть бы самому Данилевскому. А во-вторых, я не вижу, почему «дух земли» (или, точнее, «дух человечества») смешнее, чем «дух народа», — а что касается до «духа культурно-исторического типа», то он мне решительно кажется самым смешным и неосновательным из всех духов.

Воззрение нашего автора на отношения народного к общечеловеческому оказывается несостоятельным, если даже допустить (как мы это выше сделали) то общее положение, из которого он исходит, а именно, что человечество относится к частным группам, его составляющим, как род к видам. Но на чем же, однако, основано само это положение и почему автор «России и Европы», столь обстоятельный в других случаях, не сделал даже и попытки опровергнуть или устранить иной взгляд на дело, тот взгляд, который со времен ап. Павла (а отчасти и Сенеки) разделялся лучшими умами

Европы, а в настоящее время становится даже достоянием положительно-научной философии? Я разумею взгляд, по которому человечество относится к племенам и народам, его составляющим, не как род к видам, а как целое к частям, как реальный и живой организм к своим органам или членам, жизнь которых существенно и необходимо определяется жизнью всего тела. Понятие тела не есть пустое отвлечение от представлений о его членах, и точно так же тело не может мыслиться и как простая совокупность или агрегат своих членов; следовательно, отношение родового к видовому неприменимо здесь ни в одном из двух значений, различаемых нашим автором. А между тем идея человечества как живого целого (а не как отвлеченного понятия и не как агрегата) настолько вошла, еще с первых времен христианства, в духовные инстинкты мыслящих людей, что от этой идеи никак не мог отделаться и сам Данилевский, называющий в одном месте свои «культурно-исторические типы» живыми и деятельными органами человечества.

К сожалению, в этих словах можно видеть именно только проявление безотчетного инстинкта истины. Если бы это была серьезная и сознательная мысль автора, то ему пришлось бы отречься от всего содержания и даже от самых мотивов его труда. Если в самом деле культурно-исторические типы суть живые и деятельные (а следовательно, в некоторой степени, и сознательные) органы человечества как единого духовно-физического организма, то понятия «общечеловеческого» и «всечеловеческого» получают, по отношению к частным группам, такое положительное и существенное значение, которое прямо противоречит основному воззрению Данилевского на коренную самостоятельность и необходимое обособление культурно-исторических типов. Тогда уже нужно бросить и то практическое заключение, что будто бы интересы человечества для нас не существуют и не должны существовать и будто бы никаких обязанностей к нему мы иметь не можем. Придется, напротив, принять совершенно иное заключение: если всякая частная группа, национальная или племенная, есть лишь орган (орудие) человечества, то наши обязанности к народу или племени, т. е. к орудию, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношению к тому, для чего это орудие должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь под тем условием, чтобы он сам подчинялся высшим интересам целого человечества. Стоит только в «систему» культурно-исторических типов серьезно подставить понятие о «живых и деятельных органах человечества» — и уже одним этим определением вполне опровергается партикуляризм нашего автора, и вместо всякой критики ему достаточно было бы напомнить старую римскую басню о членах тела, пожелавших жить только для себя...

Если бы национализм, возведенный в систему нашим автором, противоречил только основной христианской и гуманитарной идее (единого человечества), то это опровергало бы его лишь в глазах людей с искренними христианскими убеждениями или же особенно чутких к высшим нравственным требованиям. Но теория «России и Европы» несовместима не только с христианской идеей, но и с самим историческим фактом христианства как религии универсальной, всемирно-исторической, которую никак нельзя приспособить к какому-нибудь особому культурному типу. За исключением (и то неполным) нескольких народов, преимущественно относящихся к «уединенным»

типам, христианство охватило собою все главные (преемственные) культурно-исторические типы, различаемые нашим автором. Рожденное в еврействе, оно проникло весь Египет и всю Сирию, часть Аравии и Персии, покорило Грецию и Рим и, наконец, сделалось высшим образовательным началом двух (по Данилевскому) новых культурных типов: романо-германского и славянского. На какой отдаленный план перед этим универсальным фактом, даже с чисто исторической точки зрения, должны отступить все частные этнографические и лингвистические деления! Даже и явившиеся позднее вероисповедные различия нисколько не приближают действительную историю христианства к искусственному антиисторическому воззрению Данилевского. Ибо при этом воззрении совершенно непонятно, почему один культурно-исторический тип (романо-германский) выработал два, столь различные между собою, вероисповедания, как католическое и протестантское; также почему славянский тип, вместо того чтобы на своей самобытной почве возрастить особую исповедную форму, принял ее целиком из чужого культурно-исторического типа — греческого.

Кроме христианства, в непримиримом противоречии с воззрениями «России и Европы» находится, как мы видели, и историческое явление двух других универсальных, точнее, международных или сверхнародных религий — буддизма и мусульманства, а также и еврейской религии, которая, несмотря на свой национальный характер, передала, однако, свои существенные начала чужим мирам христианства и ислама».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2139915712761981>

ПОЛЕМИКА С СОЛОВЬЕВЫМ. Ч.5.

«Вместо вопроса: почему Европа нас не любит — следовало бы заняться другим, более близким и важным вопросом: чем и почему мы больны? ... Недуг наш нравственный: над нами тяготеют, по выражению одного старого писателя, “грехи народные и несознанные”. Вот что прежде всего требуется привести в ясное сознание. Пока мы нравственно связаны и парализованы, всякие наши собственные стихийные силы могут быть нам только во вред. Самый существенный, даже единственно существенный вопрос для истинного, зрячего патриотизма есть вопрос не о силе и призвании, а о “грехах России”»

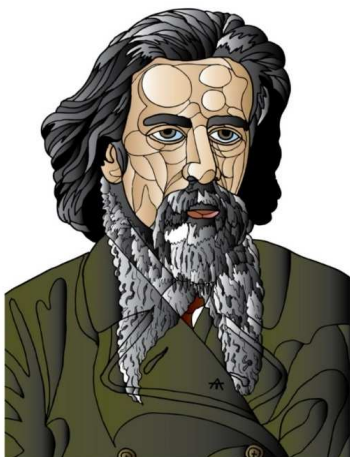
Вл. С. Соловьев

Еще одним важным аргументом против теории Данилевского, высказанным в статье Соловьева «Россия и Европа» (1888), является идея универсальности научного знания. Вопреки стремлениям Данилевского релятивизировать это знание, Соловьев утверждает, что занятия наукой «на свой лад» еще не означают, что ученые разных стран занимаются различными вещами. Напротив, кумулятивный характер научного знания свидетельствует о его универсальности. Обратимся к рассуждениям Соловьева:

«Универсализм человеческого духа проявлялся и проявляется не в одной только религиозной области, а еще очевиднее и прямее в другой важной и неустраимой сфере исторического развития — в науке. Данилевский, бывший сам отчасти ученым, хорошо понимал значение этого фактора и его неудобство для исключительно национальных воззрений, а потому и посвятил вопросу о национальности в науке целое длинное рассуждение, без сомнения, самое значительное во всей его книге. Но, с удовольствием признавая в этом рассуждении несколько верных мыслей и немало интересных указаний, мы должны вместе с тем выразить искреннее удивление, каким образом этот даровитый и в знакомых ему научных сферах весьма сообразительный писатель совершенно не заметил, что его вспомогательный трактат об историческом развитии науки, во-первых, доказывает прямо обратное тому, что предполагалось им доказать, а во-вторых, опрокидывает мимоходом и главную теорию «России и Европы».

Позволительно прежде всего спросить: к какому культурно-историческому типу, к какой местной цивилизации должно приурочить ту науку или ту совокупность наук, о которой так хорошо рассуждает наш автор? Дело в том, что он говорит лишь об одном, внутренне связном и последовательном развитии науки, постепенно переходившей от менее совершенных фазисов к более совершенным. Никаких типов развития мы здесь не видим, а только степени развития, причем ученые различных наций в разной мере способствовали возведению общего им научного дела с одной степени на другую. Так, например, древний грек (Гиппарх) создает искусственную систему для астрономии, славянин (Коперник) возводит эту науку на степень естественной системы, немец (Кеплер), опираясь на систему своего предшественника-поляка, доходит до частных эмпирических законов в астрономии, а англичанин (Ньютон), продолжая их труды, возвышается, наконец, до общего рационального закона. К какому же культурно-историческому типу все это относится? К одному романо-германскому отнести нельзя, ибо сам Данилевский указывает на участие в этом деле древнего грека и нового славянина, т. е., по его воззрению, представителей двух особых, отдельных от романо-германского, культурных типов. Но так же точно невозможно и разделить все дело по

этим трем типам, так как труды Гиппарха и Птолемея имеют в астрономической науке известное значение лишь как первоначальные попытки научных построений, а система Коперника никак не может быть выделена из общего развития астрономических знаний в новой Европе...

Ни один европеец и ни один русский западник никогда не сомневался в том, что каждый народ занимается наукою (как и всем прочим) по-своему, на свой лад. Но это свое в ученых трудах немцев, англичан, французов и т. д. нисколько не мешает им заниматься одним общим научным делом, в котором все они вполне солидарны между собою и которое принадлежит не какому-нибудь культурно-историческому типу, а всему человечеству. Сам Данилевский, умалчивая о египетской, еврейской, персидской или мексиканской науке, а ученые труды древних греков и славянина Коперника включая в состав европейской науки, очевидно признает, что эта наука есть не только романо-германская, но вместе с тем и общечеловеческая.

Все, что можно найти научного у древних народов, вошло в науку европейцев, было ими полнее и глубже разработано и, следовательно, имеет значение лишь как низшая подготовительная ступень в развитии этой одной европейской науки. Помимо нее, никакой другой особой науки в действительности никогда не было. Но, может быть, еще будет? Наш автор, настаивающий на национальном характере науки и совершенно забывший при этом о своих «культурно-исторических типах», не придает никакого ясного и определенного смысла своим надеждам на «самобытную славянскую науку». Должна ли эта самобытность ограничиваться особенностями национального характера, как в английской, французской, германской науке; или же, ввиду того что славяне составляют особый культурно-исторический тип, отдельный от Европы, будущее их научное творчество должно представить небывалое доселе явление науки неевропейской, совершенно особенной и отдельной? Ожидать от славянства, т. е. прежде всего от России, деятельного и самостоятельного участия в развитии «романо-германской» науки было бы, конечно, несогласно с общим воззрением нашего автора, но не заключало бы в себе никакой внутренней невозможности. Таким надеждам на процветание у нас европейской науки (с русским национальным оттенком) следует только противопоставить простое фактическое указание (за которое можно сердиться, но которое опровергнуть нельзя), что настоящее положение русской науки никаких оснований и задатков для более успешного научного развития не представляет.

Если же под «самобытную славянскую науку» (согласно основному воззрению «России и Европы») разумеет особый, небывалый доселе тип науки, существенно отличный от европейского, то в скромных трудах русских ученых, старающихся по мере сил внести свой вклад в общее умственное достояние Европы, мы, конечно, не найдем никаких начатков такого вполне самобытного научного творчества. Этих начатков будущей славянской науки следует искать только у тех из наших ученых писателей, которые, не удовлетворяясь европейскою наукою, стремятся к новым, лучшим началам знания. Сфера для поисков здесь весьма ограничена».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2144216078998611>

ДАРВИНИЗМ. Ч.1.

«Такой хитрой и курьезной штуки, как измышленный Дарвином естественный подбор, не существует, не существовало и не может существовать»

Н.Я. Данилевский

Н.Я. Данилевскому принадлежит труд, в котором он критикует концептуальные основания учения Дарвина о естественном отборе. Труд называется «Дарвинизм», и он вышел в двух томах в 1885 и 1889 г. Данилевский в основном повторяет критику немецкого ботаника А. Виганда, в главных чертах следует порядку ее развертывания, но его разбор действия искусственного и естественного отбора отличается большей глубиной анализа и детальностью, а труд в целом выглядит более капитальным. Его аргументация резюмирована в статье В.И. Назарова «"Дарвинизм" Н.Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии». Приводим часть аргументов:

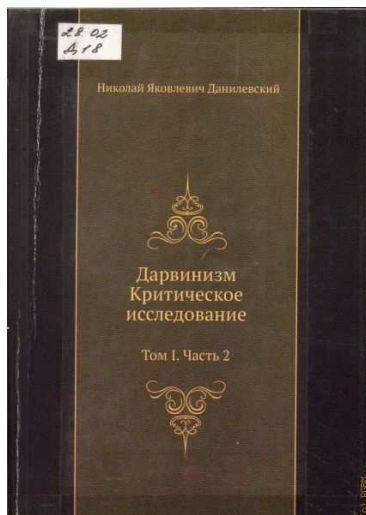
«1. Нет никаких оснований распространять на виды дикой природы выводы, касающиеся способов образования форм домашних животных и культурных растений, а аналогия между искусственным и естественным подбором совершенно ложна. (Возражение ранее высказано Вигандом.) Дарвин не указал ни одной породы, которая возникла бы путем постепенного накопления мелких индивидуальных изменений, и сильно преувеличил роль искусственного подбора в становлении культурных форм растений и животных. Это становление было с самого начала predetermined более высокой изменчивостью их прародителей, а впоследствии определялось появлением крупных внезапных изменений (как в случаях однолистной земляники, пирамидального кипариса и плакучей туи), уродств (анконские овцы, такса, легавая), наследственных болезней (турман), гибридизации между породами. Дарвин игнорировал крупные скачкообразные изменения, ибо в этом случае отпадала надобность в его теории и рушилось естественное объяснение органической целесообразности.

2. Изменения у домашних форм не могут служить основанием для понимания происхождения диких видов и по той причине, что они ни в одном случае не достигают видового уровня. Все породы свободно скрещиваются друг с другом с образованием плодовитого потомства, а в случае одичания возвращаются к исходному дикому типу. Это равнозначно тому, что все здание теории Дарвина лишается своего фундамента и «всякой положительной основы» (Данилевский, 1885, ч. I, с. 366–367). (Возражение ранее высказано Вигандом.)

3. Большая часть из семи заключений Дарвина, которыми он обосновывает тезис о разновидностях как «начинающихся видах», или неверны или опираются на факты, из которых таких заключений сделать нельзя. Статистические обсчеты многих региональных флор не подтвердили положений Дарвина о том, будто процветающие или господствующие виды чаще образуют хорошо обозначенные разновидности, будто в каждой стране большие представлены большим числом господствующих видов или будто виды больших родов содержат больше разновидностей, чем малые.

Неправомерно вообще игнорировать качественные различия между разновидностями и видами, находя между ними лишь различия в степени, и в самых ответственных дедукциях подменять отношения между разновидностями отношениями между видами.

4. Неопределенному и мозаичному характеру изменчивости у Дарвина противостоят признаваемая им соответственная (соотносительная) изменчивость и в целом принцип коррелятивного изменения частей и систем органов организма. Если теория не может ответить, какая доля в достигнутом преобразовании принадлежит неопределенной, а какая – соответственной изменчивости, то она не может класть первую в фундамент возводимого здания. Подбор и соответственная изменчивость – «начала <...>, друг друга исключаящие» (там же, с. 169).

5. Жизнеспособность организма при смене окружающих условий зависит от одновременного изменения большого комплекса признаков (это равнозначно эффекту соответственной изменчивости), и всякое единичное изменение будет вредно, так как нарушит существующую корреляцию. Признать же одновременность изменений – значит признать определенную изменчивость, при которой теория Дарвина теряет всякий смысл и значение и возрождается принцип целестремительного развития Бэра. Ибо то, что дарвинизм призван объяснить, – внутренняя и внешняя целесообразность – «будет уже вложено в сам процесс изменения как нечто данное» (там же, ч. II, с. 22). Изменение же комплекса признаков, по теории Дарвина, невозможно.

6. Борьба за существование, хотя она и существует как спорадическое явление, совершенно лишена свойств крайней интенсивности, непрерывности и длительной однонаправленности, необходимых для того, чтобы ее следствием мог явиться естественный подбор. С прекращением борьбы или изменением ее направленности (а это случается во много раз раньше, чем появление «заметной разновидности») достигнутое изменение лишается своего преимущества, перестает фиксироваться и исчезает. С этого момента процесс накопления изменчивости, достигнутого «трудами многих сотен или тысяч поколений», должен начинаться сызнова и, вероятнее всего, пойдет теперь в другом направлении. Коль скоро борьба за существование селективными свойствами не обладает, в природе нет и естественного подбора. И это хорошо подтверждается отсутствием переходных форм как между ныне живущими видами, так и между ископаемыми формами.

7. Дарвин не принимает в расчет нивелирующую роль свободного скрещивания, препятствующего закреплению даже полезного признака. Если новый признак почему-либо и будет сохраняться у какого-то числа индивидов, то на его распространение по всему виду никогда не хватит времени; если он возникнет сразу у очень значительного числа особей, то такое явление уже не сможет называться индивидуальной изменчивостью; если, наконец, признак оказался бы столь полезным и масштабным, что смог бы преодолеть все стоящие на его пути препятствия, то его бы назвали не индивидуальной изменчивостью, а крупным самопроизвольным изменением.

Данилевский резюмирует, что «начинающееся индивидуальное изменение будет всегда, без малейшего возможного исключения побеждено своим коренным видом, сколько бы зачатков выгод, прогресса и усовершенствований, большей и лучшей приспособленности оно в себе ни несло <...>. А из этого прямо следует, что такой хитрой и курьезной штуки, как измышленный Дарвином естественный подбор, не существует, не существовало и не может существовать...» (там же, ч. II, с. 100)».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2145479662205586>

ДАРВИНИЗМ. Ч.2.

«Дарвинизм - это ужасное учение, ужасом своим превосходящее все вообразимое... Никакая форма грубейшего материализма не опускалась до такого низменного мировоззрения»

Н.Я. Данилевского

Продолжаем рассматривать антиэволюционистскую аргументацию Н.Я. Данилевского, изложенную в его труде «Дарвинизм» (1885-1888). Важный вывод, который Данилевский делает из своей критики, состоит в том, что учение Дарвина, помимо того, что оно ошибочно, также «неэстетично». По словам Данилевского, оно ужасом своим превосходит все вообразимое. В чем же неэстетичность дарвинизма? Эта тема анализируется в статье В.И. Назарова «"Дарвинизм" Н.Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии». Аргументацию Данилевского автор представляет следующим образом:

«8. Никаких средств для устранения свободных скрещиваний внутри вида у природы нет, и потому она не «производит и не может производить подбора». Поглощающая роль свободных скрещиваний, признанная самим Дарвином, должна быть представлена одним из первых аргументов против его учения. Удивительно, что ни в одном из его сочинений нет даже попытки устранить это противоречие. Дарвин решительно отклонил гипотезу географической изоляции «благоприятно изменившихся организмов», видимо, сознавая ее несовместимость со своей теорией.

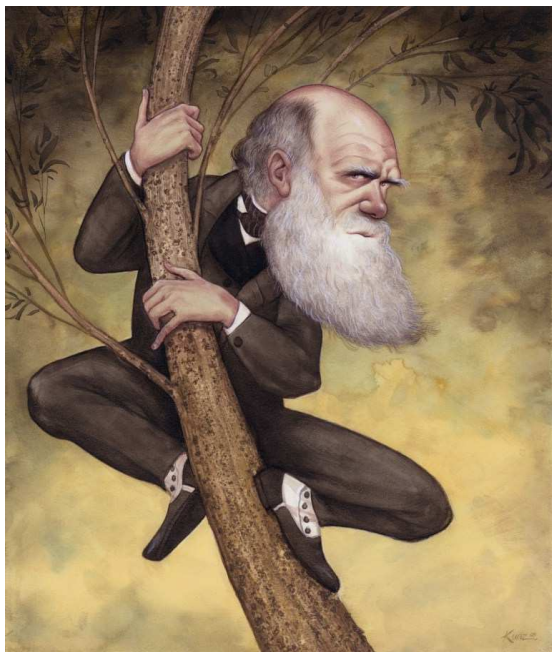
9. Теории подбора противоречат многочисленные факты существования в природе видов с безразличными, бесполезными и даже вредными признаками. В число последних входят и такие, которые полезны для других видов.

10. Теория Дарвина не интересуется бесполезными признаками и считает их наиболее изменчивыми. Но к «бесполезным» признакам относятся самые важные (существенные) организационные признаки, на которых строится систематика от рода до типа, – и они наиболее константные. Сколь же сужается сфера подбора, если он не принимает участия в становлении самых важных признаков! Выходит, что теория Дарвина отстраняется от объяснения генеалогического характера филогенетической систематики.

Впервые на бессилие дарвинизма объяснить происхождение высших систематических единиц путем дифференциации низших обратил внимание Виганд. Он справедливо указал, что категории вида, рода, семейства и т.д. отличаются друг от друга не столько количественно, сколько качественно (абсолютно). Если вид и может распасться на несколько новых видов, то при этом не возникает автоматически нового рода, ибо это понятие определяется не числом относящихся к нему видов, а совокупностью своих специфических особенностей, которые реально существуют у всех его представителей.

11. Если бы органический мир образовался в соответствии с теорией Дарвина, это был бы совершенно иной мир, в корне отличный от того, который мы имеем перед глазами. То был бы мир «нелепый и бессмысленный». Семена одного и того же растения образовывались бы то с одной, то с двумя семядолями, животные рождались бы то с внутренним, то с внешним скелетом, то с брюшным, то со спинным расположением

нервной системы. Никогда не появились бы тяжелые рога оленей, плавательный пузырь рыб, паразитический инстинкт кукушки. Систематики классифицировали бы организмы (если бы вообще в состоянии были это делать) не по морфологическим, а исключительно по текущим адаптивным признакам. Низшие формы были бы вытеснены высшими.

12. Данилевский повторил возражение Майварта о бесполезности, а, возможно, чаще – вредности, в момент зарождения будущих полезных признаков. Было бы нелепым ожидать от слепого подбора сохранения таких изменений в предвидении их будущей пользы, если ее нельзя извлечь в данный момент. Конструируя гипотетические примеры нарастания преимущества признака от поколения к поколению, Дарвин за неимением реальных переходов опирается на пользу новых признаков, беря их уже в готовой форме, как они представлены у сформировавшихся видов.

13. Вымиранию видов не сопутствует процесс зарождения новых, как это должно следовать из теории Дарвина, по которой умирание есть следствие конкурентного вытеснения старых видов своими более приспособленными потомками. Это хорошо видно на примерах недавнего исчезновения крупных зверей, нелетающих птиц, слоновых черепах. Они исчезли вместе со своими разновидностями, не оставив более удачливых потомков. Во всех известных случаях процесс вымирания оказался независимым от процесса зарождения видов. Это равнозначно отсутствию естественного подбора, в котором указанные процессы взаимосвязаны.

14. Сколь ни длительна геологическая история Земли, а времени для образования органического мира с помощью естественного подбора при всех уступках этому учению не хватило бы. Разница между реально истекшим временем и потребностью в нем по теории Дарвина слишком велика, чтобы в геологическое время можно было «вместить дарвиновский процесс образования видов»...

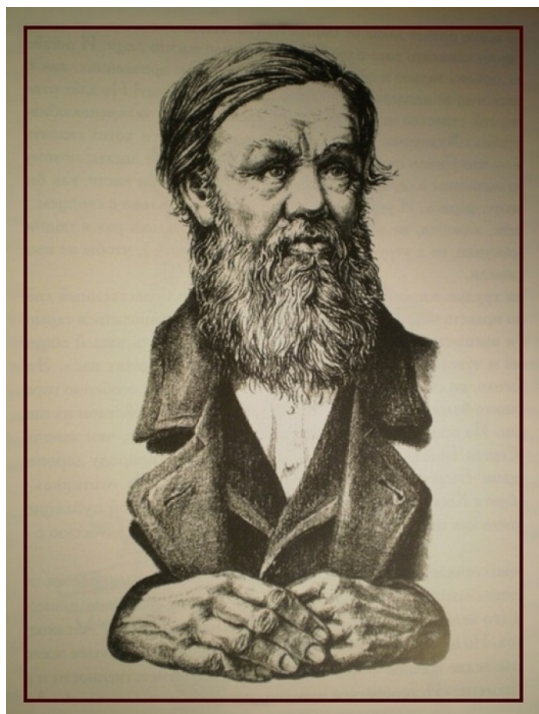
По оценке Данилевского, Дарвин создал самое неэстетичное, «ужасное учение, ужасом своим превосходящее все вообразимое <...>. Никакая форма грубейшего материализма не опускалась до такого низменного мировоззрения» (там же, ч. II, с. 522, 529). Изобретя механизм подбора, заменивший разум случайностью, Дарвин породил «жалкий и мизерный» виртуальный мир, в котором правят балом «бессмысленность и абсурд». Наше счастье, что мир, в котором мы живем, не имеет ничего общего с изобретенным Дарвином».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2148439548576264>

НЕКРОЛОГ. Ч.1.

После смерти Н.Я. Данилевского его современниками было подготовлено множество некрологов, в том числе крупными представителями отечественной философской и научной мысли. Представляют интерес их взгляды на творчество мыслителя. Ниже мы приводим выдержки из некрологов, написанных В.В. Розановым и Л.С. Бергом:

«Н.Я. Данилевский разработал две громадные идеи, из которых одна положительная по содержанию, другая – отрицательная. Мы разумею его теорию культурно-исторических типов, развитую в книге «Россия и Европа», и критику дарвинизма, изложенную в двух томах неоконченного сочинения, которое носит название этой теории. По своему универсальному значению обе идеи эти высоко возвышаются над умственной производительностью нашего общества; и, конечно, чем далее ряды сменяющихся поколений будут отходить от нашего времени, тем яснее проступят перед ними величественные черты умственного здания, которое он пытался воздвигнуть. Но, подходя ближе к этому зданию, мы замечаем, что многое в нем выполнено просто и грубо, хотя в общем – всегда верно. Истинность и совершенство целого при грубости в обработке частей есть общая черта научно-литературных произведений Данилевского. Он всегда видел только главную идею, для которой работал; эта идея поглощала его мысли, – и он менее внимательно смотрел на самый процесс выполнения. Оттого, раз прочитав его труды и согласившись с ним в главном, не имеешь охоты возвращаться к ним снова, зная, что не найдешь в них уже ничего нового. И, однако, самые идеи его уже входят в систему ваших убеждений, они не могут ни исказиться, ни забыться.

Некоторые мои взгляды и доводы сходятся с тем, что говорит Н.Я. Данилевский в своем «Дарвинизме». Книга эта, конечно, всем естествоиспытателям понаслышке известна, но из людей моего возраста, я думаю, найдется в России едва пять-шесть человек, которые ее читали бы: за ней имеется слава Герострата. Такова сила предубеждения, что первоначально я не находил нужным даже обращаться к ней, считая произведением ненаучным и тенденциозным, и взял ее в руки как бы для очистки совести лишь тогда, когда вся моя книга была написана. Прочитав ее, я с радостным удивлением убедился, что наши взгляды во многом одинаковы.

Труд Данилевского – результат обширной эрудиции автора, есть произведение, заслуживающее полного внимания. В нем заключена масса дельных соображений, к которым независимо впоследствии пришли на Западе. Если бы книга Данилевского была своевременно переведена на какой-либо из иностранных языков, то она пользовалась бы заслуженной известностью. У нас же она находилась в полном небрежении. Я буду очень счастлив, если своей книгой смогу обратить внимание на незаслуженно забытое произведение русского автора. <...>

В введении к своему труду, вышедшему в 1885 году, Данилевский задает вопрос, окажет ли его сочинение влияние на умы современников, и отвечает так: «Хотя утвердительный ответ на подобные вопросы обыкновенно и нашептывается авторам их самолюбием, я должен сознаться, что имею очень мало на это надежды. Опыт, и чужой, и личный, и даже несравненно важнейший опыт истории показывает, что в данное время убеждает не истина сама по себе, а то случайное обстоятельство, подходит ли, все равно истина или ложь, к господствующему в известное время строю мысли, к так называемому общественному мнению – к тому, что величается современным мировоззрением, современной наукою».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2154431127977106>

НЕКРОЛОГ. Ч.2.

Представляет интерес рецензия Н.Н. Страхова на посмертно вышедшее издание книги Н.Я. Данилевского «Дарвинизм» (1888). Приводим выдержки, в которых Страхов анализирует методологию и более общее научное мировоззрение автора:

«Н.Я. Данилевский умер на шестьдесят третьем году, и две большие части его «Дарвинизма» вышли через несколько дней после его смерти. Таким образом, его книгу можно назвать плодом целой жизни, потому что автор всю свою зрелую жизнь ревностно изучал организмы и лишь под конец приложил это огромное изучение к разбору Дарвиновой теории. Знание животных и растений было главным знанием Николая Яковлевича, и он занимался этим предметом с необыкновенным постоянством и любовью. Это был ум спокойный, ясный и непрерывно деятельный. В своих далеких и частых поездках он не только изучал животных, составлявших предмет промысла, но делал тысячи наблюдений над всякого рода явлениями природы, а в свободные часы читал сочинения натуралистов. В шалаше рыбака или в убогой избе, где-нибудь в тех местах, где нет ни дорог, ни проезжих, а бывают одни рыболовы, можно было найти Н.Я. Данилевского, спокойно и с живым любопытством погруженного в ученую книгу. В 1867 году ему довелось купить на Южном Берегу имение с большим запущенным садом, и тут он отдался с влечением своей любви к растениям, отдался не простому, а глубоко ученому любительству. Под конец жизни служебные дела не только не отрывали, как прежде, а даже связывали его с Крымом, так что сад Миатки восемнадцать лет был местом разнообразных опытов и наблюдений своего хозяина, который сам ходил за растениями и следил за их жизнью и с ученою любознательностью, и с эстетическим наслаждением.

Вот какого рода были познания Николая Яковлевича в науке об организмах. Это не было ознакомление с ними по книгам, по гербариям и чучелам, приобретаемое в кабинете; это было изучение живой природы во всей полноте ее жизни, многолетнее близкое знакомство со всей игрой органических явлений; это было точное знание, соединенное с тем пониманием, которое дается лишь любовью и непосредственными впечатлениями. Множество мест («Дарвинизма». – Ред.) отзываются особенным характером познаний ее автора. Он не может говорить сухо и равнодушно о произведениях природы, и часто рассказывает новые факты из своих долгих и обширных наблюдений.

Спокойный и ясный ум Николая Яковлевича был готов, по-видимому, без конца поглощать познания, лишь отчеканивая их в свою отчетливую форму. Но явился случай, когда это самое стремление к отчетливой ясности поставило его в большое затруднение и привело к тому критическому исследованию, которое лежит пред нами. В естественных науках неожиданно выступило и получило величайший успех учение, резко противоречащее давно усвоенным и вполне обдуманым понятиям Н.Я. Данилевского. Ничего не может быть характеристичнее тех отношений, в которые он с самого начала стал к дарвинизму. Он сравнивает это со случаем так называемой математической пешки.

«Я помню, – рассказывает он, – как раз мне доказывали, что в треугольнике может быть два прямых угла, и это безо всякой помощи четвертого измерения, – все дело происходило в нашем обыкновенном евклидовом пространстве. С начала я не заметил, в чем заключалась штука или фортель. Что же бы я мог в таком положении делать? Доказывать теорему обыкновенным путем, как она изложена в каждом учебнике? На это мой противник имел бы право отвечать: “Очень хорошо, я с вами вовсе не спорю; очень может быть, что ваше доказательство верно, но верным остается и мое, пока вы не сможете его опровергнуть; а если верны оба, то я доказал гораздо больше, нежели сначала предполагал. Я было думал убедить вас в неосновательности одной из теорем, принятых за несомненные, то есть одной из ваших аксиом, а теперь выходит, что я опроверг самую правильность и бессомнительность логического процесса вообще. Какая же остается логика после того, как вы принуждены сознаться, что могут совместно существовать две истины, взаимно исключающие одна другую?”».

Вот ясное рассуждение, до которого не все могут подняться, а главное, которого держаться с полной твердостью могут лишь очень немногие. Это настоящий прием мыслителя, чистейшая форма того скептицизма, который бывает необходим для точного научного исследования...

Из этого рассказа прекрасно видны две черты, объясняющие нам характер и содержание всей книги. Во-первых, здесь описано то, что составляет самую сущность беспристрастия. Большинство ученых, конечно, люди добросовестные, не желающие лукавить в своих суждениях. Но много ли есть таких, которые не хватаются прежде всего за результат, так что не доводы их убеждают в результате, а наоборот, самый результат придает убедительность доводам? Когда мы не допускаем и мысли о возможности ошибиться в решении, мы становимся небрежными к нашим противникам, мы торопимся к заключению, и от нас, совершенно независимо от нашей воли, ускользает сила их доводов; мы не можем довольно глубоко ими заинтересоваться. Поэтому, для беспристрастия требуется очень трудное условие: нужно приостановить свое решение, воздержаться от заключения, то есть подняться в область безразличного, непредубежденного суждения, в область чистой науки. Только тогда мы будем в состоянии точно проверить и основания наших собственных мнений, и доводы нашего противника, и этот противник будет у нас судим с тем же вниманием, как и самый дорогой наш сторонник.

Рассказ Н.Я. Данилевского указывает нам вместе и на правильное отношение к авторитетам. В отношении к авторитетам у нас не должно быть ни легкомысленного отрицания, ни слепого подчинения. Крупный авторитет есть именно случай, который вызывает наш ум к труду, к строгой проверке и чужого, и своего.

Итак, первая черта нашего автора есть истинно научное беспристрастие. Вся его книга, действительно, неотразимо убеждает в этом внимательного читателя.

Во-вторых, мы ясно видим, на какую почву становится автор для спора с Ч. Дарвином. Он не ищет никакой опоры, которая могла бы стоять выше естественных наук; он не думает вносить в спор понятия, взятые извне, из какой бы то ни было другой области. Все дело должно быть решено теми приемами и основаниями, которые имеют силу в естествознании, совершенно так, как это делается и у Ч. Дарвина. Правда, автор входит (преимущественно в начале и в конце) и в общие философские соображения; но все это, говоря его собственным выражением, есть только надстройка, ясно отличающаяся от главного здания книги. Таким образом, исследование Н.Я. Данилевского есть труд в строгом смысле научный, естественноисторический, опирающийся, как у

всех натуралистов, на твердом признании, что их наука вполне самостоятельна, что она имеет, так сказать, верховную власть в делах, ей подлежащих».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2155842144502671>